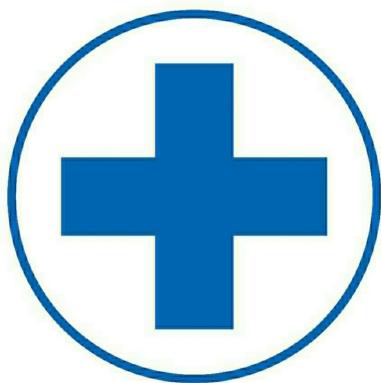

Григорий Шепелев

Кубыш–Неуклюж

Москва
2018

Григорий Александрович Шепелев

Кубыш-Неуклюж

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34024217

SelfPub; 2024

Аннотация

В тихом московском дворе живёт маленький бульдог, поводырь слепого. Однажды, гуляя со слепым ночью, он поднимает внезапный яростный лай, глядя в темноту. Он видит что-то пугающее. Его хозяин не может выяснить, что он видит. Во время следующей ночной прогулки эта история повторяется, и она происходит каждую ночь, в различных местах двора. Две хитрые девушки, живущие по соседству, решают тайну раскрыть. И это им удаётся. Но результат приводит их к сумасшествию...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	13
Глава первая	13
Глава вторая	26
Глава третья	37
Глава четвёртая	53
Глава пятая	65
Глава шестая	76
Глава седьмая	87
Глава восьмая	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Григорий Шепелев

Кубыш-Неуклюж

Пролог

Летом, когда нет долгой жары без дождей, к речке Серебрянке, которая протекает через Измайловский парк, подбраться трудно. Берега топкие. Весной, осенью и отчасти даже зимой соваться туда и пытаться нечего – там болото. Но Кате это ужасно нравилось. Она знала способ пройти к любимому своему местечку возле реки, а затем покинуть его без пятнышка на ботинках или на туфельках. Там она отлично уединялась – либо для чтения, либо для созерцания первозданной природы. При соответствующей погоде на берегу можно было позагорать, полностью раздевшись – вокруг лишь птички чирикали. Это было одно-единственное место во всей Москве, где никто не спрашивал телефончик, не предлагал проводить, не лез с разговорами. И к такому сказочному спокойствию прибавлялась чарующая, совсем нетронутая людьми красота воды, струившейся по лесу. Рядом с ней всё скверное забывалось. Катя несколько не удивилась бы, встретив здесь, у этой речушки, ангела.

Способ был придуман такой. Свернув с асфальтированной аллеи на боковую просеку, Катя шла лесом вниз, к той

самой трясине, и, сняв там обувь, пересекала всю топкую поляну с кочками босиком. За этой поляной и притаилась речка с малюсеньким островком, скрытая кустами и зарослями высокой травы. Да какая речка! Ручей. Переплюнуть можно. Его противоположный берег и вовсе был непролазным. Когда наступало время идти обратно, Катя, носившая круглый год короткую юбку, входила в воду, держа в руке пакет с обувью, и шагала вниз по течению вплоть до устья. В самых глубоких местах вода чуть касалась её коленок. Вливается Серебрянка в Лебяжий пруд. Там на берегу твёрдо, сухо. Выпрыгнув на него, Катя обувалась и топала через парк к шоссе. За этим шоссе она и жила.

С одной из таких прогулок и началась вся эта история, растянувшаяся на годы. Был конец мая. Катя сдавала сессию и решила забрести в лес после института. К реке она подошла, держа в одной руке туфли, а в другой – сумку с учебниками. Погода стояла тёплая. Дикий лес, покрывшийся свежей зеленью, шелестел и благоухал. Весь берег был в одуванчиках. Положив на землю сумку и туфли, Катя вошла в журчащую речку, чтоб отмыть ноги от грязи. Вода приятно их охладила. Стоя в стремительном рукаве между низким берегом и крутым бугром островка, на котором росла берёзка, Катя следила за облаками – почти прозрачными, редкими. Ей хотелось до вечера так стоять под майской небесной синью, среди травы и деревьев, по щиколотку в звенящей воде. Что может быть лучше этого? К сожалению, нужно было по-

заниматься французским, завтра ведь по нему предстоял экзамен! Серdito выкрикнув по-французски несколько бранных слов, Катя также громко перевела их на русский. Речка, казалось, текла по глухой тайге, а не по огромному городу – столько в ней ощущалось непостижимых, таинственных сил природы. Где-то в кустах вдруг запела иволга. Но спряжения и склонения заждались, а с ними артикли. Сделав два шага вниз по течению, где на суше была трава, а не грязь, Катя осторожно вышла на берег, случайно глянула влево, и – замерла. Этого ещё не хватало! Откуда здесь? И как она не заметила?

У кустов стояли два парня. Длинный и коренастый. Вид у них был весьма неприглядный: к обуви толстой коркой пристала грязь, к джинсам и футболкам – колючки. Уже потом Катя поняла, что, видимо, они спали в кустах алкогольным сном, придя ещё ночью, и что она разбудила их своим возгласом. Но сейчас ей было понятно только одно – надо убираться. И чем скорее, тем лучше. Засуетившись, она зачем-то стала надевать туфли, хоть лучше было бы ей этого не делать. Туфли не очень-то налезали на её мокрые ноги. Две пары заspanных глаз на помятых рожах очень внимательно наблюдали за ней.

– Блондиночка, неужели вы нас уже покидаете? – вдруг спросил у неё высокий довольно писклявым голосом, смачно плюнув в цветущие одуванчики.

– Покидаю, – сухо сказала Катя. Руки у неё буквально

тряслись. Проклятье какое-то! Туфли словно стали на размер меньше. Вдруг до неё дошло: а зачем они ей сейчас нужны, даже если она пойдёт коротким путем? Зацепив их обе пальцами левой руки, она торопливо повесила на плечо офисную сумку и устремилась к просеке.

– Ну а может быть, познакомимся? – прогнусавил вдогонку ей коренастый. – Гляньте, какая погода великолепная! Май, цветочки. Щепка на щепку, как говорится, лезет.

– Спасибо, я тороплюсь.

Они вдруг пошли за ней, и довольно быстро. Она прибавила шагу, решив перейти на бег лишь в том случае, если вдруг они побегут. До просеки оставалось около двухсот метров, но ведь она могла оказаться совсем безлюдной на полтора километра, до асфальтированной аллеи! Сердце отчаянно колотилось. Трясина плотно присасывалась к ногам, мешая идти. Оглядываться нельзя – подумают, что боится. Как будто они уже так не думают! Хлюпающие шаги за спиной становились громче. Лес приближался медленно. Слишком медленно. И он вовсе не был спасителем. Тем не менее, побежать Катя не решалась. Побежать значило признать себя жертвой, а это смерти подобно! Так объяснял психолог. Господи, господи, что же делать?

Вдруг Катя остановилась, как вкопанная. И вскрикнула. Из высокой травы к ней выскочила собака. Это был маленький лопоухий бульдог с большой головой, короткими лапами и широкой грудью. Его окрас представлял собой нечто

среднее между рыжим и палевым. Подбежав к испуганной Кате, пёс вдруг приветливо вскинул на неё лапы, испачкав обе её коленки, и простодушно встретился с ней глазами. Он громко хрюкал, обрадованный возможностью познакомиться. Кате стало понятно, что это – друг. Писклявый и коренастый также остановились. Повернув голову, Катя обратила внимание, что они следят за бульдогом, который поторопился встать на четыре лапы, а он столь же неотрывно следит за ними, притом без всяких признаков дружелюбия. Шерсть у него вся вздыбилась, и он стал похож на ежа.

– Это твой бульдог? – спросил коренастый, подняв глаза на бледное лицо Кати.

– Мой, – отозвалась та, мгновенно сообразив, что ей нужно делать. – Бегать за мной не надо. Ему это не понравится, и тогда один из вас останется без ноги! Это ведь бульдог.

Два парня переглянулись. Пасть небольшого бульдога, который вдруг тяжело задышал, высунув язык, действительно впечатляла. Его огромные выпуклые глаза, казалось, ловили каждое их движение.

– Да никто за тобой не бегал, – брезгливо сморщил рожу писклявый. – Мы просто очень спешим! Нам курить охота. У тебя нет сигаретки?

– Я не курю.

– Тогда поддержи своего бульдога, – потребовал коренастый, – дай нам пройти.

– Только обойдите меня подальше, – сказала Катя, снимая

сумку с плеча, – иначе я не ручаюсь за своего бульдога. Вы ему почему-то не приглянулись.

Поставив сумку на землю, она присела на корточки и свободной рукой обняла бульдога за шею. Тот повернул к ней голову и лизнул её длинный носик. Ей стало ясно, что он не так разозлён, как просто взволнован. Неудивительно! Потерялся, видать, бедняжка. Мрачно косясь на него, длинный и короткий быстро прошли. Даже прошмыгнули. Проваливаясь в трясину на всю высоту кроссовок и не оглядываясь, они добрались до леса и затерялись среди деревьев.

Тогда маленький бульдог вдруг взял да и успокоился. Закрыв пасть, он стал нюхать ветер. Катю это до крайности удивило. Откуда вдруг такое спокойствие, если он лишился хозяина? Неужели хозяин где-нибудь рядом? Ошейника на бульдоге не было. Это наводило на мысль, что собака брошена.

– Да откуда ты взялся, маленький? – с нежной грустью спросила Катя, погладив пса. – Может быть, ты ангел, который спустился с неба, чтобы меня спасти?

– Хрю, хрю, хрю! – ответил бульдог, давая понять, что этого быть не может: ангелы не похожи ни на собак, ни на поросят, а он – что-то среднее между ними. Какие были у него уши! Просто огромные! И они стояли торчком. Это был французский бульдог – молодой, упитанный и весёлый. Возможно, даже щенок, чуть-чуть не достигший года. Поцеловав его в мокрый нос, Катя поднялась и повесила сумку с

книгами на плечо.

– Ну, пошли, дружок! Ведь ты, я надеюсь, меня проводишь?

Он согласился. И он бежал за ней по болоту, затем – по просеке. И на асфальтированной аллее он от неё не отстал. Прохожие удивлённо косились на босоногую девушку, за которой важно, ответственно ковылял маленький бульдог с большими ушами.

Поскольку ноги у девушки были чёрные от болотной грязи, она решила дойти до Красного пруда. Странный бульдог проводил её и туда. На берегах пруда, со всех сторон окружённого густым лесом, народу было полно. Хоть солнце не очень-то припекало, многие загорали. Бульдог понравился почти всем. Пока Катя совершала водные процедуры и надевала туфельки, он попил. Потом он решительно вошёл в пруд, но неглубоко. Ему нужно было только смочить живот. Увидев на берегу свободную лавочку, Катя к ней поднялась и села, чтобы покурить. Её новый друг немедленно прибежал, сперва отряхнувшись от прудовой воды, и уселся рядом – конечно же, не на лавочку, а на землю. Понюхав ветер, он глубоко вздохнул и стал сонно шуриться на ленивое солнце в дымке. Катя курила, глядя на отдыхающих. Почему-то ей было грустно. И даже очень. Странная была грусть, похожая на предчувствие беды с ближним.

– Скажите, это бульдог? – вдруг спросил мужчина лет тридцати, который катил прогулочную коляску с ребёнком

и, вняв его требовательному крику, остановился. Этот ребёнок был девочкой. Катя молча кивнула, гася окурок. И посмотрела на девочку. Та была нездорова. Она смеялась, разглядывая собаку.

– И как зовут этого бульдога? – ласково поинтересовался мужчина, как бы озвучивая вопрос своего ребёнка.

– Не знаю, – честно призналась Катя, – он мне ещё не представился.

Девочка протянула руки к бульдогу. Он посмотрел на неё, а затем вдруг встал, подбежал, и – начал с диким восторгом облизывать её руки. Он потом взялся и за лицо, вскинув на коляску грязные лапы. Восторг, конечно, был обоюдным.

Уже на закате солнца Катя перенесла бульдога через шоссе и снова поставила на асфальт. И он опять двинулся вслед за нею уже по улице своей шаркающей бульдожьей походкой, скребя асфальт когтями широких лап. Прохожие улыбались, на него глядя. А Катя ломала голову: почему он так безмятежен, если он брошен? Бульдоги ведь, как известно, психологически очень зависимы от своих хозяев. Гораздо больше, чем, например, охотничьи псы. Да уж, ситуация была странная! И раскрыть эту тайну Кате не удалось никогда.

Приблизившись к таксофону – ведь двадцать первый век ещё не настал, она сняла трубку, вставила карту и набрала семизначный номер.

– Алло, – ответил ей парень.

– Серёжка, скоро приду, – сообщила Катя. – Но я буду не

одна!

– А с кем же ты будешь?

– Понятия не имею, кто он такой! Это очень-очень странная личность!

Часть первая

Битва Риты

Глава первая

Тёмной ночью с сосуллек капало. В час пятнадцать маленький лопухий бульдог проснулся. Громко зевнув, он соскочил с кресла, сходил на кухню попить и вернулся в комнату, шаркая по паркету когтями трёх толстых лап. На задней левой ноге была у него повязка. Хозяин спал, свесив руку к полу. Ткнув мокрым носом ему в ладонь, лопухий требовательно хрюкнул. Хозяин проснулся мигом. Вскочив, он взял со стула штаны и стал их натягивать.

– Кажется, ещё ночь, – пробормотал он. – Потерпи, Жоффрей! Я сейчас, я быстро.

Пока он одевался, носитель звучного имени продолжал издавать сердитые поросячьи звуки – мол, торопись! Тот, к кому он обращался, и так спешил. Одевшись, он вышел вместе с бульдогом в крохотную прихожую, где впотьмах натянул ему на больную лапу замшевый башмачок. Бульдог агрессивно протестовал. Наматывая липучку, хозяин велел ему замолчать. Потом он надел на пса широкий ошейник с бляхами, на себя – кожаную куртку, взял трость, открыл

дверь и вышел. Бульдог тянул его, напрягая мощные мышцы лап и груди. Он очень хотел на улицу.

Лифта в пятиэтажке не было. Но владелец бульдога не сильно страдал от этого, потому что жил на втором. Запирая дверь, он прислушивался – понять, не стоит ли кто-нибудь на площадке между вторым и первым, возле почтовых ящиков? Было плотно накурено, но царила полная тишина. Она объяснялась просто: две девушки, источавшие сигаретный дым, прервали свой разговор и во все глаза смотрели на парня с косящим в правую сторону правым глазом и белой тростью в левой руке, которого тащил вниз бульдог, мешая запереть дверь. Когда замок всё же щёлкнул и молодой человек, убрав ключ в карман, шагнул на ступеньку, одна из девушек обратилась к нему с вопросом:

– Скажите, это японский хин или мопс?

– Ни то, ни другое, – дала ей ответ вторая, ростом слегка повыше её и светловолосая. – Это французский бульдог.

Собачник смолчал, так как возразить было нечего. Жоффрей хрюкнул – да, мол, всё верно! Первая девушка – очень тонкая и манерная, с большим носом, прижалась к почтовым ящикам.

– Ой, как страшно!

Сделав затяжку, она опять пристала к спускавшемуся по лестнице парню:

– Как его звать?

– Жоффрей, – представил приятеля косоглазый, стараясь

замедлить шаг, ибо голоса у девушек были очень даже приятными. Но бульдогу было на них плевать. Он хотел на улице. Поводок натянулся, как тетива арбалета.

– Он ваш помощник? – не унималась пытливая. – Поводырь?

– Да, типа того. Но по основной специальности – клоун.

– Могли бы не говорить! Он очень смешной. Вы совсем не видите?

– Да, совсем.

– А как вас зовут?

– Серёжа.

Жоффрей уже миновал курильщиц, тянул на следующий пролёт. Сделав поводок подлиннее, Серёжка выиграл пару-тройку секунд.

– Меня зовут Рита, – представилась любопытная, – её – Света. Она блондинка, весьма высокая. Я – брюнетка выше среднего роста. Мы будем жить в шестьдесят четвёртой квартире, прямо напротив тебя.

– Вы сняли её?

– Да, сняли. Час назад въехали. Если что – заходи, поможем.

– Спасибо.

Уже сворачивая к подъездной двери, Серёжка вновь услышал вопрос, но на этот раз от блондинки:

– А с задней лапой что у него?

– Какое-то воспаление и отёк, – объяснил Серёжка. – От

реагентов, которыми зимой асфальт посыпали.

– В клинику обращался?

– Да.

– Что назначили?

– Мочегонные.

Вдавлив кнопку, Серёжка двинул плечом по тяжёлой двери, и бульдог дёрнул его в холодную гололёдную ночь. Апрель приближался к десятым числам, а год стоял две тысячи третий. Всю предыдущую ночь морозило, да и утром не сразу стало выше нуля, потому на крышах опять повисли сосульки. Двор унылой старой окраины близ метро затих совершенно. Побрызгав возле подъезда, маленький пёс потащил Серёжку мимо помойки через весь двор к пустырю, который лежал за двумя четырёхэтажными сталинскими домами из кирпича. С правой стороны к пустырю примыкали школьный забор и автостоянка, слева тянулась асфальтовая дорожка к метро. Впереди, за группой деревьев, виднелся длинный пятиэтажный дом, в котором жило несметное множество наркоманов и алкашей. Конечно, виднелся он не Серёжке – тот не соврал двум девушкам, что ему от глаз меньше проку, чем свиноматке от эротического белья, а Жоффрею. К той самой пятиэтажке последний и устремился, протопав между углом кирпичного дома и бойлерной, над которой белел невзрачный фонарь. Идя за бульдогом, Серёжка вслух материл и этого косолапого дурака, и ледяной ветер. Он допускал ничтожную вероятность того, что

его питомца влечёт к деревьям за пустырём какое-нибудь серьёзное дело. Вряд ли. Обычно он находил там кости, обглоданные бездомными псами. Их там подкармливали. Бульдог сжимал эти кости своими мощными челюстями так, что, пожалуй, легче было ему башку оторвать, чем отнять добычу. Но и ничтожную вероятность никак нельзя было игнорировать. И поэтому следовал косоглазый за косолапым, злясь всё сильнее. Конечно, думал он о двух девушках. О тех самых. О Свете с Ритой. Если бы эта прогулка длилась недолго, то был бы шанс застать их возле почтовых ящиков на обратном пути. Но какое там! Толстый пожиратель объедков уже нахраписто пёр по обледенелому пустырю, высунув язык.

И вдруг он остановился. Резко и неожиданно. Его спутник мгновенно понял, что остановка произошла по важному поводу – не затем, чтобы задрать лапу или обнюхать какую-нибудь штуковину. Лопухий не просто застыл, как вкопанный. Он напрягся и затаил дыхание. А потом в его горле заклокотал приглушённый рык, готовый стать громче. Серёжка это почувствовал. Ему стало не по себе. Ни он, ни его бульдог, который по собственному желанию и без чьей-либо помощи овладел искусством водить слепого, ещё ни разу не обманулись в оценке психологических ощущений друг друга. Даже не прикасаясь к своей собаке, хозяин осознавал, что она – в смятении. Если не в запредельном ужасе. Таких чувств Жоффрей никогда ещё не испытывал.

Наклонившись, Серёжка провёл рукой по его большой го-

лове и по толстой шее. Шерсть была вздыблена. Уши были напряжены. Бульдог неподвижно смотрел вперёд, в сторону деревьев. Все его мускулы напряжились, словно он собирался броситься и вцепиться.

– Что ты там видишь? – тихо спросил Серёжка, как будто пёс мог ему ответить. И пёс ответил. Громко, заливисто, выразительно. Слишком громко.

Желая остановить сумасшедший лай, который мог разбудить несколько домов, Серёжка схватил бульдога, поднял и крепко притиснул его к себе, прося замолчать. Жоффрей замолчал. Но не успокоился. Открыв пасть, он задышал так, будто только что пробежал через всю Москву по жаре. Это было признаком колоссального стресса.

– Не лай, не лай, – прошептал Серёжка, чувствуя, что Жоффрей всё ещё не сводит взгляда с деревьев перед пятиэтажкой, буквально сходя с ума. Его сердце билось, как молоток по гвоздю. Не менее сильно стучало сердце Серёжки. Но любопытство в нём пересилило. Он решил поставить бульдога, снять с него поводок и пойти к деревьям, дабы понять, что там происходит. Так он и поступил, взяв белую трость как шпагу, словно она могла его защитить. Бульдог, потоптавшись, двинулся вслед за ним. И если бы не его пыхтение, да не хруст под ногами ледяной корочки, да не ветер – на пустыре, слабо освещённом белыми фонарями автостоянки, стояла бы тишина гробовая. Ведь гробовая – не значит полная. Шум ночных машин наверняка слышен во всех

гробах.

Буквально пары шагов не дошёл Серёжка до тополей и берёзок, которые обступали пятиэтажку. Думая, почему ни один из псов на стоянке не отозвался на лай Жоффрея, он вдруг споткнулся обо что-то мягкое и едва не упал. Жоффрей позади страдальчески заскулил с нотками обиды – вот оно, вот, я предупреждал! Переложив трость в левую руку, державшую поводок, Серёжка нагнулся ощупать то, что задел ногой. И – оторопел. Это была крупная собака с короткой и густой шерстью, лежавшая на боку. В безжизненности животного сомневаться не приходилось, хоть его тело ещё хранило тепло. Пахло свежей кровью.

Пока Серёжка медленно выпрямлялся, стряхивая с руки эту кровь, которой испачкал кончики пальцев, Жоффрей приблизился и обнюхал мёртвое тело. Он уже не был в панике. Он был просто сильно взволнован. Его приятель, тем временем, попытался выстроить некоторую логическую цепочку. Пса, безусловно, прикончили только что. Прикончили тихо, значит – каким-то острым предметом. Бедный Жоффрей всё видел. Поэтому он и начал беситься. Следовательно, убийца сейчас находится где-то рядом. Да, он не мог уйти далеко.

Беспомощно оглядевшись, Серёжка вытащил телефон. Но кому звонить? Он не знал. Как раз в этот миг донеслись шаги. Они приближались со стороны четырёхэтажного дома. Затем послышался голос:

– Жоффрей, Серёжка! Чем вы так озадачились? Проститутку, что ли, нашли, а деньги уже все пропиты?

– Мы нашли Малыша, – ответил Серёжка, только сейчас догадавшись, кому принадлежит труп, и сразу поняв, кому принадлежит голос. Он не ошибся. К нему вразвалочку подошёл худой и длинноволосый очкарик лет сорока, рокерского вида. Звали его Олег. Он жил в четырёхэтажке напротив бойлерной.

– Да, Малыш, – проговорил он, направив на труп луч света из телефона. – Значит, и до него добрались? Вот гады!

– Гады, только не те, – качнул головой Серёжка. – Те арматурами забивают собак, а здесь совершенно точно не обошлось без ножа! Слишком много крови.

– Да, много, – признал Олег и, убрав мобильник, задумчиво закурил. Задумался и Жоффрей, усевшись на лёд. Было о чём думать. Малыш был добрым бездомным псом, любимцем всего двора. Его все подкармливали, особенно тётя Маша, дворничиха на пенсии. Эта шумная женщина проживала в третьем подъезде той самой пятиэтажки, четвёртый подъезд которой был славен тем, что в нём жил бульдог, поводырь слепого. Она заботилась обо всех собаках и кошках, которым в жизни не повезло. Не только кормила, но и соорудила для них жилища из ящиков и линолеума.

– А мне после коньяка не спится, сижу, читаю Фонвизина, и вдруг слышу – Жоффрей разлаялся так, как будто увидел чёрта! – сказал Олег, выпуская дым. – Дай, думаю, выбегу,

погляжу, что там происходит.

– Да, он его увидел, – бросил Серёжка.

– Чёрта?

– Убийцу. Поэтому и залаял.

Присев на корточки, Олег снова вытащил телефон и включил фонарик. Окурок выпал из его рта.

– Ого! Представляешь, он его прямо распотрошил!

– Ты чего, серьёзно?

– Серьёзно! Сперва перерезал горло, чтоб не орал, потом кишки выпустил!

У Серёжки перехватило дыхание. У Жоффрея, видимо, тоже. Он заскулил.

– Заткнись! – психанул Серёжка. – Олег, Олег! А может, ментов позвать?

Олег решительно встал. Очки зло блестели.

– Шутишь? Каких ментов? Если здесь даже человека зарежут, они будут долго думать, ехать им или нет! Постой около него, я сбегая за лопатой.

– Как за лопатой?

– Ну а за чем ещё я должен бежать? За кочергой, что ли? Надо его зарыть, а то тётя Маша и тётя Оля утром с ума сойдут! Никуда отсюда не уходите. Если урод вернётся, Жоффрей загавкает, и тогда я этому потрошителю сам мозги из черепа выну!

Серёжка признал эти аргументы очень логичными. Жоффрей – тоже. По крайней мере, он перестал пыхтеть и заваж-

ничал. Но как только Олег ушёл, они оба скисли. Неудивительно – ведь Малыш был их близким другом. Жоффрей однажды украл у него отличную кость, которую сам Малыш стащил ещё где-то. Скорее всего, у псов на автостоянке. Этих собак кормили на зависть всем остальным.

Решив с Малышом проститься, Серёжка сел перед ним на корточки и погладил пса по его большой, лобастой башке. Зачем-то потрогал морду. Мёртвый оскал был страшен.

– Бедный Малыш, – прошептал Серёжка дрожащим голосом. – Добродушный парень. Ты никому ничего плохого не делал! За что тебя?

Ему на глаза навернулись слёзы. Бульдогу всё это не понравилось. С возмущённым хрюканьем встав, он сразу двумя передними лапами хорошенько двинул хозяина в левый бок – что ты, мол, себе позволяешь? Серёжка, чтоб не свалиться, должен был упереться правой ладонью в землю прямо около носа мёртвой собаки. Его рука ощутила что-то более твёрдое и холодное, чем земля. Взяв этот предмет, Серёжка его ощупал. Это был ключ – небольшой, узорчатый, с двумя выступами. Поднявшись и машинально сунув его в боковой карман пилотской кожаной куртки – только не в правый, где находились ключ от квартиры и носовой платочек, а в левый, Серёжка тут же о нём забыл.

– Ты чего дерёшься? – строго спросил он своего пса. – Совсем уже охамел?

Жоффрей зарычал. Серёжка хотел взять его за шиво-

рот да встряхнуть хорошенько, однако вовремя спохватился. Слишком свирепым было рычание. Оно вряд ли адресовалось ему, Серёжке. Да, маленький бульдог рычал, как на волка. Все его мускулы снова налились твёрдостью для стремительного броска и хорошей драки. Тронув собаку, Серёжка определил, куда она смотрит. Жоффрей смотрел в сторону проулка между школьным забором и углом дома. Там кто-то был. Этот кто-то, судя по всему, приближался, стараясь ступать бесшумно. И личность эта бульдогу сильно не нравилась. Его шерсть опять стояла торчком. Такое случалось редко – Жоффрей был псом предельно спокойным и дружелюбным. Легонько хлопнув его по морде, чтобы заткнулся, Серёжка выпрямился и сунул руку в карман.

– Ублюдок! – звенящим голосом крикнул он. – Подойди, не бойся! Я ничего не вижу, а он хромой! А у тебя – нож!

Ответа не прозвучало. Бульдог сопел. А Серёжка ждал, комкая в кармане платок. Ему, в самом деле, очень хотелось, чтобы маньяк попытался пробить ножом пилотскую куртку, а затем вырваться из его, Серёжкиных, рук. Тогда бульдог вцепится, а уж там Олег прибежит с лопатой! Но было тихо.

К Жоффрею вдруг подошла собачка. Они обнюхались и запрыгали. Это их поведение показалось Серёжке странным. Со стороны дальнего угла дома раздался голос молодой женщины:

– Боня, Боня! А ну, отстань от Жоффрейчика! Он болеет! Боня отстал. Но Жоффрей захрюкал с нотками недоволь-

ства – мол, опять влезла не в своё дело! Собачница подошла, дымя сигаретой.

– Привет, Серёга!

– Привет, – произнёс Серёжка, узнав Маринку, стройную медсестру районной больницы. Она жила со своими родителями, детьми, вечно пьяным мужем и спаниелем здесь, в наркоманском доме, рядом с которым погиб несчастный Малыш. Серёжка с нею дружил. Они очень часто гуляли вместе. При подходящей погоде любили выпить и покурить, сидя на заборчике в глубине какого-нибудь дворового закоулка, среди кустов, в которых шныряли их собачонки.

– Кому это ты кричал? – спросила Маринка. И тут заметила Малыша. Пока она на него светила мобильником, отгоняя свою собаку, Серёжка всё рассказал. В первое мгновение у Маринки даже не нашлось слов. Она близоруко прищурилась на проулок, белевший под фонарём.

– Там никого нет, возле школы! Может, Жоффрея что-то ещё встревожило?

– Нет, он видел убийцу, – очень уверенно заявил Серёжка. – Этот урод просто отошёл в тень! Не знаю, что ему ещё нужно.

Маринка вздрогнула и, визгливо подозвав Боню, взяла своего питомца на поводок.

– Да будь они прокляты, эти твари, – пробормотала она, выдёргивая из пачки новую сигарету. – Чёртовы живодёры! Убийцы! Изверги! Надо что-то делать, Серёженька! Ведь

Малыш – это уже пятый!

– Шестой, – уточнил Серёжка. – И тем ломали хребты, а его зарезали.

Впечатлительная Маринка тихо заплакала. Тут вернулся Олег с лопатой. Сказав Маринке, что её новые сапоги ей очень идут, он начал копать могилу. Была половина третьего ночи. Скрежет лопаты мрачно заморозил даже юмориста Боню и оптимиста Жоффрея. Оба они стояли, не отрывая глаз от Олега. Пока Малыш не был погребён, царило молчание. Лишь когда Олег охлопал лопатой холмик, Маринка вытерла слёзы и проронила:

– Парни, это ужасно! Как нам их остановить?

– Сначала надо их встретить, – сказал Олег, постучав лопатой по стволу тополя, чтобы сбить с неё грязь. – А как это сделать – знает один Жоффрей.

Взглянув на Жоффрея, Маринка с Боней молча направились к своему подъезду. Олег, выслушав рассказ Серёжки о том, как его бульдог опять зарычал, решил прогуляться с лопатой по близлежащим дворам и улочкам. По его словам, одежда убийцы могла быть в кровавых пятнах. Одобрив это намерение, Серёжка с Жоффреем пошли домой.

Глава вторая

Войдя в квартиру после курения на площадке, Рита и Света взялись за разбор вещей. Их было не очень много, а все шкафы и комоды в обеих комнатах оказались весьма вместительными, поэтому девушкам удалось минут за пятнадцать опустошить половину сумок. Они решили передохнуть. Рита, наполнив ванну тёплой водой, в неё бултыхнулась, а дверь оставила нараспашку. Света уселась пить чай на кухне. Восемиметровая удалённость не помешала им разговаривать.

– Дура! – бесилась Света, грохоча по столу кулаком. – Зачем ты сказала, что у нас есть животные?

– Что за бред? – удивилась Рита. – Кому я это сказала?

– Хозяйке той отличной квартиры на ВДНХ! Именно по этой причине она и не перезвонила нам!

– Ну и ладно! А как, по-твоему, я должна была поступить? Она у меня спросила, есть ли у нас животные. Я сказала правду.

– Какие, тварь, у тебя животные? Глисты, что ли?

– Нет, я просто забыла, что у нас больше нет котёнка! Он ведь мне снится каждую ночь.

Света молча сжала свои довольно крупные кулаки. Теснота ввергала её в отчаянье. Впрочем, крохотной была кухня, прихожая и одна из комнат, а вот вторая комната оказалась очень даже просторной. Как раз в неё Света и вселилась, по-

сколькx именно Рита, на её взгляд, была виновата в том, что им отказали на ВДНХ.

– Свет, можно подумать, что ты фанатка готовить! – весело продолжала Рита из ванной. – На хер тебе просторная кухня? Лучше заткнись и открой шампанское!

– Да в таких сараях пьют не шампанское, а водяру за восемьдесят рублей! – не смягчилась Света. – Ты меня задолбала! Я тебя утоплю сейчас, поняла?

– Что, даже балкон тебе не понравился?

– Нет! Ужасный балкон! С него ничего не видно, кроме помойки!

– Так значит, ты признаёшь, что помойка близко?

– На хрен она?

– Как на хрен? В пятиэтажках нет мусоропроводов! Ты что, об этом не знаешь?

Да, это было для Светы новостью. Ей и в голову не могло такое прийти. Сперва она не поверила, но, поняв, что её подруга не шутит, ринулась к ней и стала её топить. Это оказалось непростым делом, хоть Рите было написано на роду умереть за правду, о чём она много раз говорила Свете. Но не за правду же о помойке! Удостоверившись в этом, Света решила вытереть пол, залитый по щиколотку. Когда она уже в третий раз отжимала тряпку, в дверь позвонили.

– Это соседи, – сказала Рита, хлопнув ладонью по пышной пене. – Ты разбудила их, ... бешеная!

– Убью, – прорычала Света и, бросив тряпку, зашлёпа-

ла открывать. Замки ей не нравились. Провозившись с ними почти минуту, она распахнула дверь с намерением исполнить свою угрозу хотя бы по отношению к слишком нервным соседям. И не исполнила. На пороге стоял Серёжка и его толстый бульдог. У обоих вид был смущённый. Бульдог похрюкивал.

– Привет, парни, – пробормотала Света, также смущаясь – на ней были только узкие трусики и футболка. – Давно не виделись!

И сейчас же сообразила, что зря краснеет – ведь её голые ноги мог видеть только бульдог. Ей стало смешно.

– Классно, что зашли! У вас всё в порядке? Помощь нужна?

– У тебя нет сигареты? – спросил Серёжка. – Очень хочу курить.

– Курить?

– Да, очень.

– Случилось что-нибудь?

– Да.

Света озадачилась. Жоффрей пристально созерцал огромными выпуклыми глазами её коленки. Серёжка ждал.

– Пригласи его! – заорала Рита из ванной. – Чего тупишь?

Света пригласила. Заперев дверь, она помогла Серёжке снять куртку, сняла с Жоффрея ошейник и повела обоих на кухню. Но по пути втокнула Серёжку в ванную.

– Ритка здесь! Ты можешь пожать ей руку.

Рита состроила глазки и протянула голую ногу, с которой капало. Прикоснувшись к ней, Серёжка отдёрнул руку, как от змеи. Света рассмеялась.

– Ритка, от твоей пятки бьёт током! У тебя что, генератор в заднице?

– Нет, обычная батарейка, – пожала плечами Рита, сгибая ногу. – Видимо, у Серёжи повышенная чувствительность к электричеству.

– Да, он робот, – плаксиво и покровительственно прижалась к Серёжке Света. – Хватит его смущать, а то ещё заискрится из всех щелей! Он уже едва стоит на ногах.

Она всё же довела Серёжку до кухни и усадила его за стол. Дала покурить. Жоффрей, который пытливо обнюхивал холодильник семидесятих годов, получил большой кусок ветчины. Расправившись с ним, он уселся в угол и призадумался, продолжая коситься на холодильник.

– Так у вас можно курить? – выразил Серёжка недоумение, сделав пару затяжек. – Зачем же вы стояли на лестнице?

Света допила чай и крикнула:

– Ритка! Не помнишь, зачем мы вышли на лестницу?

– Нет, не помню, – крикнула в ответ Рита. – Меня это не касается, а его – тем более! Пусть расскажет, что у него случилось.

Докурив сигарету, Серёжка всё рассказал. Его не перебивали. Потом молчали, слушая, как пыхтит Жоффрей. Потом Рита снова подала голос, вынув из ванны пробку и встав:

– Я правильно поняла, что только бездомных псов убивают?

– Нет, – ответил Серёжка, – не только их. Началось с того, что поутру первого января убили двух такс из третьего корпуса.

– Да, я слышала, – перебила Света, бесцельно двигая по столу стеклянную пепельницу. – Хозяйка квартиры об этом нам говорила, когда давала ключи. Они были суки?

– Ещё какие! Всё время гавкали на Жоффрея. Странно, что тётя Нина вам о других собаках не рассказала. Она, впрочем, любит такс. Хозяин по пьяной лавочке этих злюк спустил с поводков, а сам по мобильнику заболтался. Потом нашёл их за бойлерной, с перебитыми позвоночниками. Недели через две-три убили щенка ротвейлера. После этого все хозяева стали зорко следить за своими псами. И тогда сволочи начали убивать бездомных. Так вот погибла Лисичка, за ней – Полкан. А теперь – Малыш. Но его зарезали.

– Так ведь он, по твоим словам, жил в подъезде четырёхэтажного дома напротив!

– Да, ночевал. И Лисичка с ним. У них там стояла миска с водой, еду им туда носили. Потом какая-то сука начала жаловаться. Приехали живодёры. Но все жильцы им дали такой отпор, что они дорогу туда забыли! Видимо, эта самая сука, которую рассекретить не удалось, десять дней назад выпустила ночью Лисичку, а вот теперь Малыша. Но его зарезали.

– Это мы уже поняли. А Полкан где жил?

– Около второго подъезда. Там тётя Маша домик ему построила. Они жили вдвоём – Полкан и Беляш, очень добрый пёс. Полгода назад начальник управы распорядился очистить улицы от бездомных собак. Полкана, Лисичку и Беляша отвезли в приют. Полкана с Лисичкой мы из приюта забрали. А Беляша не нашли. Его очень жалко. Он был умнее, чем этот начальник управы! Полкана убили в марте, прямо около домика. Тётя Маша едва с ума не сошла!

– Ужасно, – вздохнула Света. – А почему она хотя бы одну из этих собак к себе не взяла домой?

– Она уже взяла двух! А с ней живёт дочка, зять и два внука. Квартира маленькая.

– Да, в этих лачугах особо не развернёшься, – полетел камень в огород Риты. – А что сказал участковый, когда вы к нему пришли?

– Сказал, что он сделает всё возможное. Это значит, что он не сделает ничего.

Пришлёпала Рита, завёрнутая в махровое полотенце. Она включила электрочайник, села за стол, взяла сигареты и закурила, воспользовавшись причудливой зажигалкой в виде дракона с рубиновыми глазами. При незначительном сжатии его шеи пасть открывалась и из неё вырывалось пламя. Жоффрей вдруг встал. Он подошёл к Рите и начал страстно вылизывать её ноги. Она взяла его под передние лапы и, невзирая на протестующее рычание, положила бочком к себе на колени. Бульдог отчаянно вырывался.

– Сними с него башмачок, – обратилась Рита к своей подруге.

– Снять башмачок? А если он вздумает кусаться?

– Сразу получит по морде.

Услышав это, Жоффрей мгновенно утихомирился. Он позволил снять с себя башмачок, а затем повязку.

– Ого! – воскликнула Света, рассматривая заметное вздутие на его задней лапе, между подушечками. – Гляди, ему даже дренаж поставили!

– Что ещё за дренаж? – не поняла Рита.

– Тонкая трубочка, по которой стекает жидкость.

– Вот эта?

– Да.

– Ему много раз лекарство туда вводили, – сказал Серёжка, – блокаду делали. А ещё кололи антибиотики, да всё без толку.

Света молча ходила в комнату за бинтом. Накладывая повязку, она сказала:

– Зря они туда влезли.

– Зря? – встревожилась Рита.

– Думаю, да. Это не похоже на воспаление.

– А на что же это похоже?

– Чёрт его знает! Я не ветеринар.

Надев башмачок на больную лапу бульдога, Света его опустила на пол. Жоффрей вернулся в понравившийся ему уголок, вздохнул и улёгся. Глаза у него слипались. Вскоре он

захрапел. Рита погасила окурок. Чайник вскипел, но все про него забыли. Время шло к четырём.

– Он что, зимой по всем этим реагентам ходил без обуви? – обратилась Света к Серёжке.

– Да, – признался тот.

– Почему?

– Да я этому особо не придавал значения. Думал – восемь зим отходил, отходит девяную. После каждой прогулки я лапы мыл ему с мылом.

– Ну и дурак! Мозги бы себе промыл. Короче, иди с ним в другую клинику, пусть там сделают биопсию. Кстати, он за последнее время не похудел?

– Да нет, не особенно.

Рита встала. Достав из шкафчика над плитой три большие кружки, она всем сделала кофе, кроме Жоффрея. Слушая шаги её голых ног по линолеуму, Серёжка пытался определить тип её фигуры и рост.

– Это была шутка, что ты не ветеринар? – спросил он у Светы, когда её компаньонка села за стол.

– Нет, правда! Какой я ветеринар? Мне двадцать едва исполнилось, и я глупая. Ничего не умею, кроме как мыть полы. Но мою я их профессионально.

– Так ты уборщица?

– Театральная, – пояснила Света, сделав глоточек кофе. Этот ответ показался Серёжке странным. Видя, что он растерянно заморгал, Рита улыбнулась.

– Эта двадцатилетняя романтическая натура, кажется, перещеголяла даже Адель из «Летучей мыши»! Она согласна за самое маленькое жалованье не только играть самые большие роли, но и в обнимку с министрами пить коньяк за здоровье Путина, чем до прошлой недели и занималась.

– В театре?

– Да, конечно. Не в цирке же это делать! Впрочем, история очень долгая. Я нисколько не сомневаюсь, что ты услышишь её не раз и даже в подробностях, если сходишь за коньяком. Кстати, ты не знаешь, в этом районе хороших театров нет? Ей требуется работа. Я не имею в виду театр на Перовской. Он отпадает.

– Других театров поблизости я не знаю, – сказал Серёжка. – А вот элитной английской школе, которая здесь, за автостоянкой, требуется уборщица. Надя, девчонка из шестидесят второй, мне сказала, что прежнюю директрисе пришлось уволить.

– Я вчера проходила мимо этой элитной школы, – зевая, вспомнила Рита. – Вряд ли она элитная. Я бы даже сказала, что она стрёмная. И за что эту бабу пришлось уволить? Надеюсь, не за растление малолетних? Если за это там увольняют, то Светочка не продержится и двух дней.

– Я не оприходуя малолеток, – стиснула Света кружку. – Тебе только по уму двенадцать, по паспорту – двадцать пять!

– Мне двадцать четыре ещё. Я правильно понимаю, что ты согласна работать в школе?

– В элитной – да. Но надо сначала поговорить с этой директрисой.

Серёжке сильно хотелось спать. Поблагодарив девушек, он поднялся. Тут же вскочил и Жоффрей. Было непонятно, как он сквозь собственный храп сумел уловить движение друга. Рита самым любезным голосом пожелала гостям спокойного окончания ночи, а Света молча их проводила до самой двери. Она её заперла на оба замка, засов и цепочку, после чего вернулась и, не садясь, обратилась к Рите с таким вопросом:

– Что же нам теперь делать, ваше величество?

– Ничего ты уже не сделаешь, – пробубнила Рита, зевая. – Да и зачем? Что тебе опять не по нраву, паршивая ты овца в семействе Монтеки? То, что ты уже не получишь красный диплом МГУ? Захочешь – получишь.

– Так я должна захотеть?

– Неужели я должна захотеть? Все мои хотелки перегорели. Я тебя не могу мотивировать ни на жизнь, ни на смерть! Я даже не знаю, что из них где.

– Да всё ты отлично знаешь! – вспыхнула Света. – И всегда знала! Поэтому и тянула меня за собой на дно. И не отпускала. Конечно, одной умирать тоскливо!

Не дожидаясь ответа, Света стремительно удалилась в ванную. Рита столь же стремительно пошла спать. Она целый час ворочалась, размышляя, что можно было ответить Свете. Но варианты на ум не шли. И уснула Рита с тяжёлым

сердцем.

Глава третья

Утром, с шести до семи, Наташа красила волосы. А потом доделывала ремонт. Ей очень хотелось всё завершить до полудня, чтоб пообедать в приятной, праздничной обстановке, купив бутылку мадеры. Задача была реальная. Оставалось только оклеить кухню обоями да приделать плинтусы. Комната и прихожая были уже оклеены. От потолков невозможно было оторвать взгляд – так ровно и ярко они белели дорогой краской, наложенной на шпаклёвку. Полы Наташа покрыла толстым линолеумом, решительно отказавшись от ламината. Она планировала на днях завести щенка.

ла много времени. Когда старый ворчун-холодильник был опять вдвинут в свой угол и взмыленная Наташа, собрав обрезки обоев в мусорное ведро, вкручивала в плитус шуруп, во входной двери защёлкал замок. Наташа от удивления выронила отвёртку и поднялась. Одетая она была лишь слегка, так как никого не ждала. Кто мог заявиться столь ранним утром, самостоятельно открыв дверь? Конечно, только хозяйка, Римма Валерьевна. Это было понятно. Но, кроме этого, ничего не было понятно. Её визит за деньгами планировался на среду, то есть через пять дней. Что произошло?

Покинув пределы кухни, Наташа сразу всё осознала. Случилось то, что она не раз пыталась представить – не только в этой квартире, но и в других. За несколько лет она их сменила дюжину. Но не так. До сих пор с хозяевами особенных проблем не было, и она согласилась не заключать договор, чтоб Римма Валерьевна со спокойной душой могла не платить налоги. И вот хозяйка вошла с двумя полицейскими. Они уставились на Наташу, одетую лишь слегка, с большим любопытством. Неудивительно – ведь ей было всего только тридцать лет, а выглядела она от силы на двадцать.

– Ключ, – потребовала хозяйка, окинув взглядом прихожую, получившую новый облик. – Сию минуту.

– Но почему? – спросила Наташа дрогнувшим голосом. – Что случилось, Римма Валерьевна?

Не ответив, Римма Валерьевна обошла всю квартиру. Её лицо оставалось каменным. Двое стражей порядка не отры-

вали глаз от Наташи. Ей на глаза напал туман.

– Мы с вами условились на два года, – пролепетала она, – а я прожила два месяца! Второй месяц даже ещё не кончился! И куда мне теперь идти?

– Два часа на сборы, – холодно звякнула четырьмя словами Римма Валерьевна, подойдя к ней вплотную. – Ключ!

Делать было нечего. Протянув руку к куртке, Наташа вынула ключ. Молча заграбастав его короткими пальцами, на одном из которых сверкал рубин, хозяйка утонула из квартиры. Грохнула дверью. Этот удар для Наташи был как пощёчина. Нет, она не заплакала. Это стоило ей усилий.

– В следующий раз будешь заключать договор, – вздохнул один из ментов, сочувственно поглядев на её дрожащие губы. – Кабы он был, она бы тебя не выставила внезапно, должна была бы за месяц предупредить. А так – ничего не сделаешь. Собирайся. Она в хозяйственный пошла, за другой личинкой.

– За чем? – чуть слышно переспросила Наташа, как будто это было для неё важно.

– Личинка – это деталь замка, куда ключ суётся, – услужливо объяснил другой полицейский. – Могла бы потом сходиться, да, видать, ей стыдно. Но ты сама виновата. Копию паспорта ей дала, а на договоре не настояла. Её сынок пробил по инету, кто ты такая, и – охренел! Эта свиноматка к нам прискакала и такой хай подняла, что даже полковнику пришлось выйти из кабинета.

– Кто ж я такая?

Этот вопрос оба полицейских проигнорировали – мол, душой-то не прикидывайся, сама всё отлично знаешь! Положив руки на автоматы, они настоятельно порекомендовали приступить к сборам.

Наташа их не заставила долго ждать, так как не имела привычки обзаводиться ненужным хламом. Натянув первые попавшиеся колготки, джинсы и свитер поверх футболки с портретом Брайана Мэя, она торопливо утрамбовала всё остальное своё имущество в маленький рюкзачок и большую сумку. Вытащив их в коридор, надела ботиночки и приталенное пальто из крепа. Зимнюю куртку просунула в ручки сумки, так как внутри не осталось места совсем. Пришлось сморщить носик, чтобы без слёз окинуть квартиру прощальным взглядом. Затем, открыв настежь дверь и взяв свои вещи, Наташа бодро сказала двум полицейским, что очень им благодарна.

– Не за что, – был ответ. – Автограф не дашь?

– Не дам.

На улице было солнечно. Лёд, подтаивая, сиял невообразимо. На тротуарах образовались большие лужи. Все обходили их по бордюрам, и только девушка с ярко-рыжими волосами и рюкзачком на плечах уверенно шлёпала по воде, таща тяжёлую сумку то в правой руке, то в левой. Наташа думала о щенке. Ещё час назад она говорила самой себе, что её щенок уже появился на свет и через неделю-другую встреча

их состоится. И вот – такие дела. А он был ей нужен, этот щенок. Без него никак не могла открыться новая глава жизни – пусть и не самая яркая, но, бесспорно, самая светлая.

Оказавшись на территории школы, она тряхнула своими рыжими волосами, чтобы отогнать щенка на пару недель. Сейчас нужно было думать о разговоре с директором и о том, как бы поскорее найти другую квартиру неподалёку. Дверь из пуленепробиваемого стекла, тяжело открывшись, выпустила наружу строгую тишину. Шёл третий урок. Эту тишину нельзя было назвать мёртвой – охранник, военный пенсионер дядя Вася, не пропускал за пределы тамбура рослую прехорошенькую блондинку лет двадцати. Они гневно спорили.

– Не нужна нам сейчас уборщица, говорю, – бубнил дядя Вася, разводя руки, чтобы блондинка не прошмыгнула. – Полтора месяца до конца учебного года, сами как-нибудь справимся! Тоже мне, поломойка! А ну, давай, разворачивай свою задницу! Тут своих малолетних шлюх хватает с избытком!

– Зачем же вам моя задница, если их хватает с избытком? – гордо осведомилась блондинка, ударив в пол тонким каблучком высокого сапожка. – И с чего вы взяли, что со мной можно так разговаривать? Мне никто не смел хамить там, куда бы вас без намордника не впустили!

Эта блондинка Наташе сильно понравилась, потому что глупого дядю Васю она терпеть не могла. Когда он раздурлся

и покраснел, то ли собираясь блондинку сдуть, то ли умереть от инсульта, Наташа грохнула дверь и поспешила протараторить:

– Василий Львович, уборщица нам нужна! Пусть онайдёт к Галине Сергеевне.

– Там у неё сейчас Крапивина с Немовой, – вмиг остыл военный пенсионер при виде Наташи с сумкой и рюкзаком. – И Андрей Михайлович.

– Это он их к ней приволок?

– Да, именно приволок! Опять эти две кобылы урок сорвали ему. Пороть таких надо, Наталья, честное слово! Только тебя они признают.

– Раз так, пойду к ним.

С этими словами Наташа сделала знак блондинке следовать за собой, и они направились мимо вешалок с куртками к кабинету директора. По пути блондинка кратко представилась.

– Света? – переспросила Наташа. – Я, кстати, так и подумала, что ты – Света. Меня Наталья зовут.

– Я тоже так и подумала, что тебя Наталья зовут, – отозвалась Света. – И вовсе не потому, что он обратился к тебе по имени. Просто мне показалось, что я тебя где-то видела, и вот это имя всплыло – Наталья. Ты здесь работаешь?

– Да, работаю.

Дверь с табличкой «Директор» открылась навстречу Свете с Наташей. Из кабинета выплыли, стуча шпильками,

две весьма привлекательные особы. Одна, с каштановыми и пышными волосами, ростом была со Свету. Другая, темно-волосая – чуть пониже. Даже внимательно приглядевшись к ним, их нельзя было назвать девочками никак. Это были две созревшие девки, одетые с большим вкусом и минимально намарафеченные. Но Света вмиг поняла, что они и есть те самые злостные хулиганки, терроризировавшие всю школу – Немова и Крапивина. Им обоим было смешно до самых ушей с проколами. Но при виде Наташи обе смутились так, что остолбенели.

– Наталья Владимировна, вы здесь? – пискнула высокая. – Ваш больничный уже закончился?

– Да, Крапивина, я в прекрасной спортивной форме, – проворковала Наташа, щёлкнув её хорошенько по лбу. – Надеюсь, мои красавицы, мне не нужно это доказывать?

– Мы вам верим, Наталья Владимировна! – вскричала темноволосая. – Вы ведь слишком нас презираете, чтобы врать нам в лицо! Но мы вас всё равно любим.

Вновь озарившись двусмысленными улыбками, безобразницы застучали шпильками к противоположному концу вестибюля, где была лестница от буфета, спортзала и мастерской до пятого этажа. Буковую дверь кабинета они оставили нараспашку, чем Наташа и Света не преминули воспользоваться, хоть поняли, что за этой дверью царит большая нервная взвинченность.

За столом сидела директор школы – очаровательная брю-

нетка лет тридцати с небольшим, Галина Сергеевна Горюнова. В глубоком кресле расположился завуч по иностранному языку, плюгавый очкарик Андрей Михайлович. Они оба были рассержены до играющих желваков и румяных щёк. Но при появлении новой парочки гнев мгновенно сменился недоумением.

– Натали? – круто изогнула бровь Галина Сергеевна, больше косясь на Свету. – Тебя что, выписали?

– Нет, выставили, Галина Сергеевна, – задрожал голосок Наташи как никому не нужный щенок на зимнем ветру. – Коленом под задницу! Неожиданно, незаконно! Вы мне позволите пару дней перекантоваться в моей подсобке? До следующей недели я обязательно постараюсь найти какое-нибудь жильё!

Директор, не отвечая, перевела чёрные глаза на изобразившего беспредельную скорбь Андрея Михайловича, а затем – на Свету. Та, встрепенувшись, протараторила:

– Вам уборщица не нужна?

Галина Сергеевна изогнула другую бровь.

– Вы москвичка?

– Да, да, москвичка!

– Студентка?

– Нет... Уже нет.

– А что вы окончили?

– МГУ, – слегка покраснела Света. – Точнее, я...

– Точнее не нужно, – взмахнула тонкой рукой Галина Сер-

геевна. – Да, уборщица нам нужна. Ведь правда, Андрей Михайлович?

– Да, уборщица нам нужна, – согласился завуч, сосредоточенно пережёвывая глазами густо зарозовевшую Свету от каблучков до бровей. – Особенно с университетским образованием. Свой диплом показывать нам не нужно, цвет вашего лица говорит о том, что он – красный. Как вас зовут?

– Светлана.

Видя, что оба дела улажены совершенно определённо, Наташа с сумкой и рюкзаком покинула кабинет и почти бегом бросилась к спортзалу. Тот был не заперт. Во время её болезни дети играли там в волейбол и лазали по канатам. Вот и сейчас он не пустовал. То есть, не совсем пустовал. Под брусками, на коне – конечно, не на живом коне, а на кожаном, с четырьмя стальными ногами, сидели Немова и Крапивина. Они обе, мешая одна другой и толкаясь, громко болтали по телефонам. Когда Наташа вошла, мобильники были убраны. Спрыгнув на пол, Немова и Крапивина не спеша направились к ней. Она удивилась.

– Что вы здесь делаете? Почему вы не на уроке?

– Есть разговор, – объявила Немова. И она, и Крапивина без свидетелей обращались с Наташей почти как с равной, на ты. По виду она была их старше не на тринадцать лет, а на два-три года.

– Какой ещё разговор? – спросила Наташа, достав из кармана ключ, чтобы отпереть дверь кабинета, который примы-

кал к залу. – Опять какой-нибудь бред?

– Нет, разговор важный, – настаивала Крапивина. И они вошли в кабинет втроем. Кабинет был маленький. В нём едва умещались письменный стол, диван, шкаф, два стула, десяток хоккейных клюшек и два десятка мячей – футбольных, гандбольных, теннисных, волейбольных и баскетбольных. Мячи валялись по всему полу. Клюшки стояли в углу. Все стены были обклеены устрашающими портретами каратистов и дзюдоистов.

– Что вы хотите? – осведомилась Наташа, положив вещи на стол и оседлав стул. Обе старшеклассницы плюхнулись на диван. Немова сказала:

– Короче, есть отличный щенок. Берёшь?

– Нет, я не могу, – замялась Наташа, – меня сегодня из хаты выставили!

– Бесплатно, – гнула своё стальная тупица Немова. – Мы его на улице подобрали. Месяц ему. В приют сдавать жалко, он там не выживет. Это сеттер. Английский сеттер.

– Ты чего, глупая? – взорвалась Наташа. – Я ведь тебе говорю, что сама бездомная! Почему бы вам этого щенка не забрать себе?

– Да у нас у каждой дома по целой псарне! – взвилась на крик и Крапивина. – Ты прекрасно об этом знаешь! Мне вчера мать сказала, что если я за месяц всех не раздам или ещё раз кого-нибудь притащу, она загранпаспорт мне продлевать не станет и упакует меня в психушку для освидетельствова-

ния!

– Я всё поняла.

Скрежетнув зубами, Наташа тихо продолжила:

– Мне всё ясно. Дайте мне две недели, чтоб я нашла дру-
гую квартиру. Вы понимаете, что сюда щенка я взять не мо-
гу?

Девочки кивнули и злобно встали с намерением уйти и
скорее сдохнуть, чем ещё раз шагнуть за этот порог.

– Постойте одну минуту, – мягко окликнула их Наташа. –
Что вы опять натворили? Из-за чего Михалыч вас потащил
к Галине Сергеевне?

– Мы Курёхина довели, – объяснила Немова.

– Это кто?

– Да новенький! Явный девственник, весь из комплексов
состоит. Михалыч, дурак, его посадил за нами. Мы к нему
повернулись, он начал нам глазки строить. Ну, мы и дали ему
просрать так, что весь класс заржал!

– А этот мальчишка?

– Он заробел, потом покраснел от злости и Ленку схватил
за свитер. Тут все, конечно, от хохота чуть не сдохли! Ну и
Михалыч вместо того, чтоб дать ему по башке, нас повёл к
директору.

– Дряни вы, – вздохнула Наташа. – Сиамские близнецы!
Не случайно имя у вас одно. А если вас разделить, будут два
нуля! Идите отсюда.

Пожав плечами, две Ленки молча отправились на урок.

После их ухода Наташе стало ещё тоскливее. Не успела она повесить пальто на стул и достать мобильник, чтобы связаться с риелтором, как нагрянула Света. Немова и Крапивина, встретившись с ней у лестницы, объяснили, где она может найти Наташу.

– Ну и когда ты начнёшь работать? – спросила та, с досадой приняв поток благодарностей.

– С понедельника! Натали, спасибо тебе большое! Ты меня очень выручила.

– Забей.

Голосом Наташа дала понять, что ей сейчас не до идиотского разговора – ни настроения, ни одной свободной минуты на него нет. Но Света не уходила. Она взяла баскетбольный мяч и стала им хлопать по полу. Получалось у неё ловко. Когда ей это наскучило, она пнула ногой футбольный, и он попал в лицо Брюсу Ли. Если бы великий Брюс Ли стоял перед ней живой, а не нарисованный, это был бы верный нокаут.

– Так ты физруком работаешь? – уточнила Света, поймав отлетевший от стены мяч и звонко расхохотавшись над своей выходкой.

– Да, всё верно.

– И ты какое-то время здесь будешь жить? В этой комнатухе?

– Угу.

И пальцы Наташи сжали мобильник так, что он чуть не

хрустнул.

– И ты пока на больничном? – не отставала от неё Света.

– Да, ещё пару дней буду на больничном.

Света взглянула на рюкзачок и сумку.

– А почему у тебя так мало вещей?

– Мне больше не нужно.

– Живи у нас!

– У кого, у вас?

– Мы с моей подругой сняли вчера двухкомнатную квартиру. Здесь, за автостоянкой. Поспишь со мной на одном диване, ничего страшного.

– А зачем мне спать с тобой на одном диване, если я здесь могу спать одна? За семь-восемь дней я найду квартиру и перееду.

Тут прозвенел звонок. Наташа рассерженно убрала мобильник. Ей не хотелось вести разговор с риелтором в сумасшедшем доме, который через минуту должен был наступить.

– Прикрой, пожалуйста, дверь, – сказала она. – Сейчас малышня сюда набежит и будет беситься.

Света прикрыла. Когда через полминуты спортзал наполнился визгом, топотом и площадной руганью пятиклашек, гонявших мяч, она задала вопрос:

– А эти две девки, Немова и Крапивина – они что, какие-то чумовые, да? Наркоманки?

– Да не наркоманки они, – дёрнула ноздрями Наташа. –

Просто две сучки. Совсем даже и не глупые. Греческой мифологией увлекаются. И красивые, спору нет. Но Ленка Шкилёва, их тёзка и одноклассница – девка вовсе сказочной красоты. И очень спокойная, как стена. Они рядом с ней, конечно, не блещут, хоть она красит только глаза и носит кроссовки с джинсами. А у них – всегда макияж, укладочки, шпилечки. Сама видела.

– Из-за этого они бесятся?

– Ну, не только. Конечно, и это играет роль, но даже не главную. Они сами по себе стервы. Если начнут изводить какого-нибудь мальчишку, лучше ему из школы уйти. Однажды, когда они перегнули палку и мальчик чуть не покончил с собой, я их отстегала.

– Да это как? – изумилась Света.

– Элементарно. Прыгалками. По задницам.

– Они не сопротивлялись?

– Конечно, сопротивлялись! Поэтому получили сперва по мордам, затем – по задницам. После этого целый месяц вели себя образцово. Даже повысили успеваемость.

– А родители их с тобой не разобрались?

– Какие родители? Ты – четвёртая, кто об этом знает. Они ведь гордые! Я дала им слово молчать. А если бы рассказала, меня бы здесь букетами роз завалили все, от учителей до родителей! А Варламов, наверное, подогнал бы целый грузовик роз.

– Варламов? А это кто?

Наташа, не отвечая, вынула сигарету и закурила. Света последовала её примеру.

– Открой окно, – бросила Наташа. Когда её кабинет наполнился ветром, она продолжила: – Они обе любят собак, притом так же сильно, как ненавидят людей. И в этом я, кстати, их понимаю.

– Любят собак?

– Да, представь себе. Бродячих подкармливают, а некоторых щенков домой к себе забирают. Потом пристраивают.

– О, чёрт! – помрачнела Света. – Бедные девочки!

– Почему?

– Да как почему? Ты разве не слышала, что по близлежащим дворам разгуливает убийца собак? Не далее как сегодняшней ночью был убит пёс прямо на дорожке от метро к школе! Его зарезали.

– Да? Кошмар! Про этого пса я ещё не слышала, но по поводу остальных убитых собак Крапивина с Немовой никому не дают покоя. Сперва они полицию донимали, а потом сами решили выслеживать живодёров. Не знаю, как там у них это продвигается. Сомневаюсь, что есть успехи.

– Бедные девочки, – повторила Света. Подойдя к форточке, она выбросила окурочек. Грянул звонок к следующему уроку, и детвора, продолжая громко галдеть, из зала утопала. Встав со стула, Наташа сделала шаг к дивану, сняла ботинки и улеглась. Света поняла, что аудиенция подошла к концу.

– Мне пора идти, – сказала она.

– Ну, иди. До встречи. Скоро увидимся.

Света вышла и поднялась в вестибюль. Идя мимо дяди Васи, она ему подмигнула. Отставной прапорщик покраснел, засопел и собрался сплюнуть, однако вовремя вспомнил, что он сидит не на лавочке во дворе.

Весеннее солнце накрыло город розовыми ладонями. На ступеньках школы курили несколько старшеклассников. Среди них выделялся широкоплечий блондин с пушком над верхней губой, слегка кривым носом и голубыми глазами.

– Слушайте, пацаны, кто такой Варламов? – спросила Света, также закуривая. Ребята переглянулись.

– Зачем он вам? – холодно поинтересовался блондин.

– Ну, это уж моё дело!

– Не только ваше, но и моё, поскольку Варламов – я. А вы кто такая?

Света решила не отвечать. Сбежав по ступенькам вниз, она пересекла плац, вышла за ворота и, перейдя проезжую часть, направилась к своему двору той самой дорожкой через пустырь, около которой был найден ночью Малыш.

Глава четвёртая

Благодаря Маринке, которая в семь утра опять вышла с Боней, весть об убийстве бедного Малыша стремительно облетела двор, а затем – квартал. И поднялся шум невообразимый. Если не первую, то вторую скрипку в этой симфонии сыграл Эдик. Так звали азербайджанца, который торговал фруктами во дворе, напротив Серёжкиного подъезда. Свою, с позволения сказать, торговую точку Эдик располагал прямо у дорожки к метро, так что покупателей было хоть отбавляй, особенно вечерами. Эдика знали все жители района – от инвалидов и совсем немощных стариков, которым он приносил овощи и фрукты домой, до главы управы, начальника ОВД и двух прокуроров. Всех вышеперечисленных граждан он обеспечивал витаминами безвозмездно, точнее сказать – бесплатно, поскольку даже беспомощные сулили ему громадную помощь в виде молитв за него Аллаху, хоть были все православные. Ещё Эдик дружил с дворовыми кошками и собаками, так что смерть Малыша его потрясла. Он о ней рассказывал каждому, кто в то утро что-нибудь у него покупал на пути к метро, а также и тем, кто просто здоровался. Они все звонили своим родным, оставшимся дома. Те, в свою очередь, выходили повозмущаться, послушать, что говорят по этому поводу. Таким образом Света, идя из школы, застала около Эдика очень многих своих соседей по эта-

жу, дому и двору. Они громко проклинали ночных убийц, ругали полицию за бездействие. Не ругались только собаки и кошки, которых также пришло немало. Среди них был и личный питомец Эдика, глухой кот по имени Микки. Он беспокойно всматривался во всех. У Эдика, вообще, хватало помощников, но тем утром работали только двое – зеленоглазая молдаванка Яна, которой едва исполнилось восемнадцать лет, и Олег. Точнее, работала одна девушка, а Олег и Эдик делились с публикой вариантами предстоящей расправы над живодёрами. Тётя Маша и тётя Оля плакали – одна молча, другая с бранью. Серёжка вместе с Жоффреем также крутились около Эдика. Иногда бульдог начинал вдруг гавкать на торгаша. Тогда тот давал ему виноград или грушу, и лай сменялся довольным хрюканьем.

– Я шайтанов этих достану, слово даю! – рассыпался Эдик грозными обещаниями, следя, как девушка взвешивает бананы и абрикосы на электронных весах. – Двести человек сюда приведу, они будут их выслеживать днём и ночью! За что убивать собак? Кому от них плохо? Никакой зверь от скуки не убивает. Эти садисты хуже зверей, хуже крыс! Говорю – шайтаны!

– Вот уж спасибо, – как всегда вовремя подвернулась Зойка из тридцать первой квартиры первого корпуса. – Ещё только двухсот твоих земляков нам здесь не хватало! Сами не разберёмся – где нам, убогим! Уж лучше заткнулся бы!

Ноздри Эдика шевельнулись от безразличия. Разгорел-

ся средней величины скандал. За азербайджанца выступили три четверти всей толпы, а за Зойку – двое. Прочие воздержались. Серёжка тоже что-то кричал. Подойдя к нему, Света оттащила его с бульдогом от ящичков с ананасами и хурмой, к которым последний рвался, скребя когтями по льду.

– Привет, это Света. Ну что, ты в клинику ездил с ним?

– Нет, ещё не ездил, не с кем было поехать. Олег попозже освободится и, может быть, отвезёт. Он, правда, бухой, но клиника близко.

– А где она?

– На соседней улице. Остановок пять на автобусе.

– А она хорошая? Точно?

– Очень хорошая. Когда он отравился четыре года назад, его там откачивали.

– Поехали. Я сегодня, вроде, не занята.

Они зашагали к автобусной остановке. Жоффрей хромал, шаркая ботиночком по асфальту. Серёжка взял его на руки. Ждать автобуса пришлось долго.

– Кубыш, – вдруг щёлкнула Света пальцами, наблюдая за своим маленьким подопечным, который уселся на тротуар, низко опустив ушастую голову. – Самый настоящий Кубыш! Кубыш-Неуклюж. Где ты его взял?

– Катька притащила его из леса семь лет назад. Нет, не семь, а восемь!

– Из леса? Катька? Какая Катька?

Серёжка начал рассказывать. Как назло, подошёл автобус.

Он был битком, и пришлось стоять. Путь занял десять минут.

– Это не похоже на новообразование, – заявила девушка в униформе с синим крестом на спине, водрузив Жоффрея на стол и сняв с него башмачок, а затем повязку. – Но цитологию я возьму, чтоб вы успокоились.

– Вчера меньше она была, – возразила Света, глядя на вздутие. – И, по-моему, он немножечко похудел. Чуть-чуть.

– Посмотрим на цитологию.

Подошла медсестра с пинцетом и шприцем. Жоффрея пришлось держать, так как процедура была болезненной. Он пищал и пытался вырваться. Наложив новую повязку, ветеринар взяла у Серёжки полторы тысячи и заполнила бланк квитанции. Отдавая её, сказала, что результат придёт из лаборатории через двое суток.

– Мне нужно будет подъехать? – спросил Серёжка.

– Необязательно, позвоним. А впрочем, вы правы – лечение ведь потребуется, каким бы ни был ответ.

– Я понял. Как вас зовут?

– Ирина.

Обратно шли и ехали молча. Света курила. Её лицо было мрачным. Эдик стоял уже без толпы, без Яны, которая вечерами делала курсовую работу, и без Олега. Но шуму было не меньше, так как на ящиках с виноградом сидели дети, вернувшиеся из школы. Их было человек семь. Увидев Жоффрея, они к нему подбежали и начали с ним играть. Серёжка

спустил его с поводка. Жоффрей схватил палочку, которую ему протянули, и его стали на ней вертеть, удерживая её за оба конца вдвоём.

– Вот это больной, – улыбнулся Эдик, внимательно поглядев на Свету. – Я говорю, притворяется! Вы его водили к врачу?

Света промолчала.

– Да, – ответил Серёжка. – А это моя соседка, Света.

– Я знаю, – произнёс Эдик, который, если ему поверить, всё всегда знал. – Красивая девушка! Просто чудо. Что сказал доктор?

– Он взял анализ на онкологию.

– Не дай бог! С ума он, что ли, сошёл? Какая тут онкология? Толстый, сильный! Слышишь – рычит громче, чем медведь!

Палка разломилась. Бульдог порядочно отлетел, но мигом вскочил и бросился к детям, чтоб отобрать у них половину палки. Те её стали кидать друг другу, чтобы он злился. Он начал бегать и лаять.

– Кто из них учится вон в той школе? – спросила Света у Эдика, указав рукой за автостоянку.

– Да почти все. А что ты хотела?

– Кое о чём спросить. Кто из них толковее?

– Надя! – закричал Эдик, чтоб быть услышанным сквозь отчаянный лай. От шумной компании отделилась девочка лет двенадцати. Подбежала. Света узнала свою соседку по

этажу. Они с ней здоровались накануне. Девочка была очень симпатичная, хоть слегка перекормленная.

– Привет, – сказала ей Света. – Ты меня помнишь?

– Да, вы вчера заехали в шестьдесят четвёртую, – пропищала Надя и в тот же миг доказала свою толковость, дёрнув из ящика с полкило винограда. – Эдик, я возьму, ладно?

Эдик кивнул.

– Бери. Но только не подавись и поделись с братьями.

– Они сами себе возьмут. Так что вы хотели?

– Кое о чём спросить, – ответила Света. – Ты не проводишь меня домой?

– Провожу, мне тоже уже пора. Эй, Димка, Андрюшка! Я ухожу!

Ответом был только лай. Жоффрей добивался огрызка палки с таким усердием, будто это был жезл патриарха всея Руси. Идя с маленькой соседкой к подъезду, Света спросила её, знает ли она Варламова.

– А, Кирюху? Да кто же его не знает! Вы про того, который в одиннадцатом «Б»? Или про кого-то другого?

– Я про блондина с чуть кривым носом.

– Да, это он, Кирюха Варламов. Он ведь боксёр, разрядник. Поэтому нос кривой. Вся школа гордится им. У него отец – депутат. А что вас конкретно интересует?

Этот вопрос привёл Свету в замешательство.

– Как бы тебе сказать... Он что, ненавидит Немову и Крапивину?

– Да, конечно. А кто их любит-то? Они злыдни. Впрочем, Кирюха их ненавидит сильнее всех. Знаете, за что? Он раньше встречался с Ленкой Шкилёвой. Они ведь все в одном классе учатся! А потом Крапивина завлекла его к себе в гости и там у них что-то было. Немова это дело сфоткала. Она пряталась под столом. И эти две твари знаете, чего сделали? Показали фотки Ленке Шкилёвой. Она, конечно, Варламова послала. Он чуть не повесился, потому что сильно её любил. И до сих пор любит, хотя она с другим парнем уже встречается.

– Всё понятно, – пробормотала Света. Приблизившись с ней к подъезду, Надя набрала код и открыла дверь. На втором пролёте они столкнулись с пожилой дамой в длинном пуховике. Встретившись с ней взглядом, Света невольно остановилась. Именно такое лицо, подумалось ей, было у булгаковской Аннушки, погубившей бедного Берлиоза. Но девочка поздоровалась со своей соседкой очень тепло, назвав её тётёй Люсей.

– Здравствуй, Наденька, здравствуй, – отозвалась старушенция, оцарапав Свету серыми сыщицкими глазами. – Эдик стоит? Нет ли у него яблочек на выброс? Мне для компота сгодились бы.

– У него, по-моему, всё на выброс, когда вы к нему подходите, – усмехнулась Надя. Аннушка на этом не успокоилась.

– До Малыша добрались? – спросила она, остановив Надю, рвавшуюся вперёд. – Я его терпеть не могла! Он вориш-

ка был. Как сорока. Увидит яркое – и хватает! Очки у меня украл, когда я их уронила, сидя на лавочке. Еле-еле я догна-
ла его, аж вся выдохлась!

– Надо вам купить другую метлу, – дала совет Надя.

– Чего? Какую метлу?

Но Надя без объяснения устремилась дальше, Света – за ней. Им вслед было крикнуто, что они – мерзавки и сволочи. На втором этаже две сволочи, торопливо звеня ключами, отперли двери своих квартир, затем пожелали друг другу всего хорошего и избавили лестничную площадку от своего мерзкого присутствия.

Полуголая Рита на кухне жарила баклажаны с сосисками. Остро пахло чесночным соусом. Дело шло к завершению. Поглядев на лицо подруги, Света сообразила, что это было первым её занятием после трудного пробуждения. Сев за стол, Света поинтересовалась у Риты, куда она сегодня намылилась.

– Есть одно небольшое дело, – зевая, сказала Рита. Погасив газ, она переставила сковородку на стол, взяла нож и вилку, села и стала есть. Света неотрывно глядела на её правую ногу, закинутую на левую. Ноги Риты ей весьма нравились.

– Ты откуда? – осведомилась Рита с плотно набитым ртом.

– Я в школе была.

– И что?

Света рассказала о всей своей беготне довольно подробно. Упомянула она и о разговоре с Наденькой, каковой разговор

состоялся десять минут назад. Рита молча слушала, эротично качая голой ногой и звякая вилкой о сковородку.

– Так это, значит, Жоффрей там гавкает? – указала она засаленным ножиком на окно, когда школьная уборщица замолчала.

– Конечно, он! Да что они его мучают, дураки? Он уже охрип!

Как раз в ту минуту Жоффрей умолк, поскольку Серёжка взял его на руки – то есть, на одну руку, и потащил к подъезду, стуча своей белой тростью по тротуару. Бульдог тяжело дышал. Лязгнула подъездная дверь, и шаги Серёжки стали звучать по лестнице.

– Бедный парень, – вздохнула Рита, накалывая на вилочку баклажан. – И бедный Жоффрей! И бедный Малыш. Так ты, Светка, думаешь, этот самый Варламов и убивает собак?

– Вполне вероятно, – сказала Света, вставая из-за стола, чтобы сделать кофе. – Он ведь не может убить Крапивину с Немовой, так решил отравить им жизнь! Он в школе – король, а у короля должны быть гвардейцы.

– Ты имеешь в виду, их целая банда?

– Я допускаю возможность этого.

– Ну и дура! Бандой здесь и не пахнет. По крайней мере, в последнем случае. Потрошить собаку – это маньячество. А маньяки не ходят бандами.

– Вот про это рассказывать мне не надо, – вспылила Света, гремя посудой. – Ты что, забыла, кто мой отец?

– Да как я могла забыть? Ты мне двести раз говорила, что он – конь с яйцами.

– Я не ум имела в виду!

Рита испугалась. Вилка с наколотым на неё последним куском баклажана остановилась на полпути. Чёрные глаза заморгали.

– Вот это да! Что же ты имела в виду?

– Работоспособность. Он хорошо работает. У него награды и привилегии. Очень скоро он займёт пост заместителя генерального прокурора!

– И будет конь без яиц, – задрала нос Рита. – Но не волнуйся. Ты уже, кажется, родилась.

– Тебе это только кажется?

– Да. Ты слишком прекрасна, чтобы быть правдой.

Доев последний кусочек, Рита вскочила и побежала в ванную умываться. Затем она пошла краситься. Света села пить кофе. Она была очень зла на Риту из-за того, что та вдруг взяла и разрушила её версию. Прислушиваясь, как Рита ходит по комнате босиком в поисках теней и помады, она зачем-то считала её шаги. Потом вдруг не выдержала и крикнула:

– А в себя саму-то ты веришь?

– Нет. Я слишком подвижна, чтобы быть истиной. Если даже меня заруют на километр, всадив мне в грудь осиновый кол, я всё равно выскочу и уйду! Это невозможно, но это так.

– Ритка, это круто! И очень весело. Напиши об этом сти-

хотворение.

– Вот коза! Все мои стихи – именно об этом.

– Ты отовсюду сможешь уйти?

– Откуда угодно, если там будут слишком кислые яблоки.

То, что может Высоцкий, могу и я.

Минут через двадцать Рита опять явилась на кухню, чтоб выпить кофе. На ней была мини-юбка, колготки и красный клубный пиджак поверх декольтированной рубашки.

– Ты, сука, взяла у меня тональник, – сказала Света, внимательно поглядев на её лицо. Рита покивала, как будто речь шла о чём-то вроде погоды.

– Едешь со мной? – спросила она, сделав два глотка.

– Сначала скажи, куда.

– К коню без яиц.

– Зачем мы ему нужны?

– Ну, типа, эскорт.

– Ночной клуб?

– Кабак. А дальше – не знаю.

– Я хочу спать, – поморщилась Света. – Езжай одна. Ты вернёшься поздно?

– Не думаю.

Рита вскоре пошла надевать ботинки, а Света – спать. Через три минуты подруга к ней заглянула. Света уже лежала под одеялом. Окно было приоткрыто. Слышался голос Эдика, предлагавшего мандарины с праздничной скидкой. На вопрос кокетливой женщины, что за праздник такой сего-

дня, предприниматель ответил, что день его с ней знакомства. Щурясь на солнце, уже занявшее западную часть небосклона, Рита опять спросила:

– Ты едешь?

– Я уже сплю, – прошипела Света, открыв один левый глаз. – Ты что, тварь, не видишь?

– Вижу. Слушай, а почему тебе показалось, что ты Наташу где-то встречала?

– Наташу?

– Да.

– Пошла вон отсюда!

– Как скажешь, – пожала плечами Рита. Её вихрастая голова исчезла, и дверь захлопнулась. Потом грохнула и наружная дверь квартиры. За ней – подъездная. Со двора донеслись быстрые шаги. Раньше, чем они успели затихнуть, Света уснула.

Глава пятая

Серёжка не смог набрать код подъезда. Жоффрей, висевший на его правой руке, стиснутые пальцы которой сжимали трость, дышал ещё тяжелее, чем днём, после развлекухи с ребятами. По Москве опять гулял ветер – более сильный, чем накануне. И на его упругой спине сидела наездница. Все её уже заждались, кроме льда и снега. Это была весна.

Поняв, что порядок цифр начисто забыт, Серёжка достал из кармана магнитный ключ. Взбежав на второй этаж, он забарабанил в дверь шестьдесят четвёртой квартиры. Не зазвонил, а забарабанил. Потом уже зазвонил. Прошло несколько минут, прежде чем за дверью спросили, не доверяя глазку:

– Это ты, Серёжка?

– Я, я! Открой!

– Ты что, сумасшедший? Два часа ночи!

– Знаю!

Света открыла. У неё не было оснований считать Серёжку маньяком, поэтому его страшный голос не напугал её, а весьма заинтересовал. На ней, как и прошлой ночью, было только бельё. Серёжка это почувствовал, потому что задел её вытянутой рукой, стремительно делая шаг вперёд. Но он не придал этому значения. Торопливо поставив бульдога на пол, он снял с него поводок и прислонил трость к стене. Трость сразу упала. Никто не стал её поднимать.

– Что произошло-то? – спросила Света, заперев дверь и пристально оглядев незваного гостя. – Ого! Ты белый, как простыня! И Жоффрей психует. За вами черти, что ли, гнались?

– Проводи на кухню.

Жоффрей остался около входной двери. Не прекращая пыхтеть, он улёгся на пол. У него совершенно не было сил. Усадив Серёжку на кухне, Света поставила перед псом мисочку с водой. Он попил.

– Что произошло? – повторила свой вопрос Света, садясь за стол напротив Серёжки. Тот помолчал и ответил:

– Жоффрей опять его видел.

– Кого? – спокойно спросила Света, хоть и ответ заранее знала, и не было у неё ни капли спокойствия.

– Потрошителя. Того самого, кто убил Малыша. Жоффрей так залаял второй раз в жизни! На том же месте залаял, глядя туда же. Короче, всё повторилось.

– Всё? Там опять был труп?

– Трупа не было.

– Ты уверен?

– Да. Минут через пять подошла Маринка со своим Боней, и они всё там обшарили. Трупа не было.

– Хорошо, – произнесла Света, взяв сигарету и зажигалку. Серёжка вдруг уставился на неё своими невидящими глазами.

– Что хорошо?

– То, что никого не убили.

– Скоро убьют.

– Откуда ты знаешь?

– Жоффрей его не забыл, – как-то очень звонко сказал Серёжка, ударив ладонью по столу. – Не забыл, и вряд ли забудет! Он реагирует на него, как на сатану! Он просто захлёбывается лаем! Дураку ясно, что эта сволочь уже решила убить Жоффрея, так как Жоффрей – единственная живая душа, которая знает, кто убивает собак!

– Да как он его убьёт? Жоффрей ведь всегда под твоим присмотром!

Сказав так, Света рассеянно закурила. Потом прибавила:

– Извини. И долго он лаял?

– Да, очень долго. Из окон даже ругаться начали. А Маринка как раз потому и вышла, что он её разбудил. Носки даже не надела.

– И никого не увидела?

– Никого.

Света поднялась приготовить кофе. Спать ей уже не хотелось. Ей просто нужно было хоть чем-нибудь заниматься, чтобы не обострять обстановку бессмысленным обсуждением или напряжённым молчанием. Зажигая газ, она вспомнила, что ей есть о чём рассказать Серёжке. И рассказала она ему о Немовой и Крапивиной с их проделками. Ветер яростно дребезжал оконным стеклом. Мерцающая, белёсая темнота прилипла к последнему, как чудовищная наклейка – та-

кой она казалось безжизненной.

– Нет, конечно, это не он, – заявил Серёжка, когда его собеседница пила кофе.

– Ты про Варламова?

– Да. Его здесь все знают. У них в семье постоянно были собаки. Он к ним нормально относится.

– Твою мать! Чужая душа – потёмки! А этот самый Варламов испытал стресс, который мог сломать ему психику. Он ведь очень любит эту Шкилёву!

– Чужая душа – потёмки? – переспросил Серёжка, прислушиваясь, как дышит Жоффрей. – Есть одна проблема. Души там никакой не было.

– В смысле, не было? – удивилась Света. – Что ты имеешь в виду?

– Что это не человек.

Голос у Серёжки был тихим, и говорил он без интонации. Но у Светы пошли по спине мурашки.

– Не человек? Ты о ком?

– О том, кто был там, около дорожки. Жоффрей не сходит с ума при виде людей.

Ветер застонал особенно громко. И Свете вдруг показалось, что стёкла лопнули – так ей стало нехорошо. Но странно, холода не было. Она быстро допила кофе.

– Ты бредишь. Он на его глазах зарезал собаку! Как не сходить с ума?

– Нет, не на его глазах, – возразил Серёжка. – Мы вышли

на пустырь позже. Убить большого, сильного пса без всякого шума трудно. А я вообще ничего не слышал, хоть у меня очень тонкий слух. Жоффрей не мог видеть, как убивали собаку. Но Жоффрей видел убийцу. И он каким-то образом понял, что это – точно убийца. Или же он увидел некое весьма странное существо.

Это возражение было высказано таким деревянным тоном, что Свете стало всё ясно. Конечно, он перенервничал! Надо temu менять. Его правый глаз немножко косил. И ей это нравилось. И она не могла понять, почему. Сколько ему лет? Двадцать восемь? Тридцать? Чуть больше? Спрашивать напрямик не очень хотелось. Света решила поступить хитро.

– Серёжка!

– Что?

– А если мой возраст сложить, например, с возрастом Жоффрея, ты будешь старше нас? Или младше?

– Но точный возраст Жоффрея никто не знает, – сказал Серёжка так мягко и доверительно, будто тоже прочёл на прошлой неделе повесть Стругацких, герой которой стеснялся прямо спросить у женоподобной особи, кто она по половой принадлежности, и придумывал разные идиотские способы это выяснить. – Катька его нашла восемь лет назад, и он был тогда совсем молодой. Должно быть, ему лет девять. Максимум – десять.

– А сколько лет самой Катьке?

– Около тридцати.

– Да что значит около? Её тоже, что ли, нашли в Измайловском парке?

В комнате зазвонил мобильник. Света, вскочив, бросилась к нему. Ей звонила Рита.

– Я уже сплю, – очень убедительно простионала Света, боясь, что та её подпряжёт куда-нибудь ехать. – Чего тебе?

– Я хочу уйти, – был ответ. Он прозвучал странно. Голос у Риты был монотонным, но не спокойным. Она говорила с улицы. Но не шла. Стояла на месте.

– Ну и хоти! – разозлилась Света. – Что ты пила, кроме алкоголя? Где ты находишься?

– Там, откуда я не могу никуда уйти.

– Ты что, идиотка?

Рита взволновано засопела.

– Ты помнишь, я тебе говорила днём, что могу уйти откуда угодно? Так вот – сейчас я нахожусь там, откуда уйти невысмыслимо. Если можешь, выведи меня! Выведи!

– Это ты меня сейчас выведешь! – заорала Света, усевшись на диван так, что тот затрещал. – Ты что там, нанюхалась? Или вмазалась?

– Я трезва.

Ледяной змеёй стало заползать в сознание Светы чувство, что это правда. Чистая правда. Света поёжилась.

– Где ты, Ритка? Скажи название места!

– Двор, – ответила Ритка.

– Двор? Какой двор?

– Под нашими окнами.

– Я спускаюсь.

Быстро натянув джинсы и кофточку, Света вышла из комнаты и увидела, что Серёжка уже в прихожей и надевает на пса ошейник.

– Я сейчас выйду во двор, – сообщила Света. – Ритку встречать. С ней что-то не так. Пошли вместе.

– Нет уж, – сказал Серёжка, – спасибо.

Света обулась, надела курточку, и все вышли. Пока Жоффрей и Серёжка возились с дверью своей квартиры, Света сбежала вниз. Упругий апрельский ветер был так силён, что она, выскочив навстречу ему, ссутулилась и саму себя обняла за локти. Было пятнадцать минут четвёртого. Предрасветность с запахом прошлогодней соломы, который ветер нагнал с оттаявших подмосковных полей, хранила безмолвие. Лишь одни деревья поскрипывали. Дворовые фонари, тянущие свет к карнизам домов, к низко проплывающим облакам, казались усталыми и печальными. Пройдя между сталинской четырёхэтажкой и бойлерной, Света сразу увидела тонкую человеческую фигуру. Она стояла среди деревьев, между пятиэтажным домом и асфальтированной дорожкой, ведущей на школьный двор. Это была Рита. Света перебежала пустырь и, подойдя к ней, взяла её за руку.

– Всё, пошли.

Рита заморгала. В её глазах было куда больше бледной тоски измученных фонарей, чем собственной жизни.

– Я не могу уйти, – сказала она чуть слышно. – Это не я!

– Если ты не можешь, сука, уйти – значит, улетишь! – посулила Света. Отпустив Риту, она её обошла и дала пинка. Это помогло. Рита устремилась вперёд, часто спотыкаясь. Порой она замедляла шаг, и Света подталкивала её ударами кулака.

Оказавшись дома, Рита опять сказала про невозможность уйти. Света помогла ей раздеться. Сняв с неё обувь, она заставила её выпить сто пятьдесят грамм виски. Рита закашлялась. Но её глаза оживились. Пристально оглядевшись по сторонам, она изъявила желание принять ванну.

– Нет, это лишнее, – запротестовала Света. – Я не намерена выволакивать из воды и пены голую идиотку, когда её посетит отличная мысль, что она опять не может уйти!

– Это не отличная мысль, – возразила Рита очень серьёзным тоном. – Страшнее этого во Вселенной ничего нет!

Заткнув ванну пробкой, она пустила тёплую воду и начала стягивать колготки. Света, тем временем, осмотрела карманы её пальто. Один из них был набит валютой – долларами и евро. В другом лежали двадцать тысяч рублей четырьмя купюрами. Свете стало очень досадно, что не поехала она с Ритой, а завалилась спать. Так досадно, что двести долларов перекочевали в её карман. А какого чёрта эта паскуда не объяснила толком, что дело стоящее? Зачем, спрашивается, пускала туман, крутила вокруг да около, наводила тень на плетень? Сама виновата. Полностью успокоив совесть бо-

калом виски, Света пошла взглянуть, что делает Рита. Рита курила, сидя по грудь в воде. Глаза её были немножко ещё испуганными.

– Как ты съездила? – поинтересовалась Света. – Нормально?

– Плохо.

Света присела на бортик ванны.

– Так уж и плохо?

– Сама всё видела, – безразлично пожала плечами Рита. – Не доставай меня!

– Кого только сегодня я не достала! – вздохнула Света. – Один примчался – ой, помоги! Другая звонит – ой, выручи! А потом выясняется, что обоих я достаю.

– Кто к тебе примчался?

– Серёжка! Жоффрей, по его словам, опять сильно лаял, глядя туда, где стояла ты. Но тебя там не было. Там был тот, кто убил собаку. Серёжка в этом уверен.

Сделав затяжку, Рита вручила окурочек Свете. Та его унесла, а потом вернулась и вновь уселась на бортик.

– Значит, я не могла уйти от него, – задумчиво проронила Рита, выдернув пробку. – Кто он такой? Ты можешь хотя бы предположить?

– Риточка, там не было никого! Ты была одна!

У Риты дёрнулся рот.

– Я не убиваю собак! Я лучше убью себя, чем собаку.

– Никто с тобой и не спорит. Жоффрей ведь лаял не на

тебя. Ты пришла потом. И ты там была одна.

– Откуда ты знаешь?

Света сочла этот вопрос странным, а Рита – важным. Она заткнула отверстие в ванне пяткой, чтоб лучше слышать ответ.

– Я своим глазам доверяю, – сказала Света. – Стоя на остановке, я вижу номер трамвая уже тогда, когда стоящие рядом ещё не видят и самого трамвая!

– А ты при этом сам трамвай видишь? – спросила Рита, вновь открыв слив.

– А как можно видеть номер, если не видишь трамвай?

– Да элементарно. Надо смотреть на вывеску остановки.

Света зевнула. Виски стремительно штурмовало её сознание.

– Идиотка, – пробормотала она, – ты шла от метро по другой дорожке! Зачем свернула на эту?

– Мне захотелось взглянуть на место убийства.

– И что ты там обнаружила?

– Очень многое.

– Например?

– Отстань, – с кроткими глазами взмолилась Рита. – Очень прошу! Отстань!

Но Света не унималась. Ей не терпелось перейти к главному. А для этого было необходимо как-нибудь вывести из себя эту оглушённую курицу. Как иначе?

– Я всё забыла! – трагически заплескалась Рита, напоми-

ная попавшую на крючок рыбёшку. – Как только я очутилась там, на меня напал дикий ужас! Моё сознание раскололось! Я ощутила себя безвольным предметом – куклой, лишённой имени, возраста, интеллекта, моральных качеств!

– Это не ужас, Марго, – перебила Света. – Это прозрение. Впрочем, одно другого не исключает.

Вода убулькала. Голая и бледная Рита, сидя на дне опустевшей ванны, жалобно прижималась грудью к коленкам. Её подруга, не получив ответ на свой осторожный выпад, свирепо спрыгнула на пол.

– Гнида! Из-за тебя я бросила университет! А ты меня прокатила?

– И то, и другое – наглая ложь, – пожалала плечами Рита. Такая аргументация не могла погасить конфликт. Внимательно выслушав возражения, от которых треснул слой краски на потолке, Рита дотянулась до душа, взяла его и пустила Свете в лицо мощную струю ледяной воды. Света убежала и легла спать. Ей всё опостылело. Рита долго ещё сидела в ванне, клюя своим длинным носом. Ей было лень вылезать. Когда она всё же переместилась в постель, за окнами было уже светло, и город шумел. Ей приснился тот, от кого она не могла уйти. Во сне это сделать было ещё труднее.

Глава шестая

Через два дня Света приступила к работе в школе. Свидетельство ИИН, трудовая книжка и паспорт у неё были, так что мотаться по разным учреждениям не пришлось. Галина Сергеевна или, как все её называли за глаза, Галька, представила коллектив и Свету друг другу. Это произошло в учительской на втором этаже. Была перемена. Стоя перед сидящими в креслах учителями и слыша гам детворы за дверью и под окном, Света не могла прогнать ощущение, что ей вовсе не двадцать лет, а двенадцать, и что сейчас её будут психологически изводить за слабую успеваемость. На душе от этого было гадко. И, как назло, складывалось всё наихудшим образом.

– Это Светочка, – избрала слишком уж дружелюбный тон Галина Сергеевна, положив ладонь на её плечо. Этого ещё не хватало! Света, конечно же, поняла, что эта рука на плече – для того, чтобы она расслабилась, не краснела. Значит, все видят её смущение. И действительно, на всех лицах были улыбки. И как тут было не покраснеть до корней волос? Ужасно хотелось всем показать язык да и убежать. Она едва сдерживалась.

– Светлана будет нам помогать поддерживать чистоту, – продолжала Галька, как будто никто ничего об этом не знал. – Мне кажется, что с её стороны это более чем любез-

но. Не правда ли, господа?

– Что правда, то правда! – гаркнул Андрей Михайлович, обводя коллег требовательным взглядом – что, мол, молчите? Все одобрительно разорались. Вышло довольно громко и убедительно, потому что в педагогическом коллективе преобладали тётки – как строгие, так и, что называется, в поле ветер. Смысл галдежа сводился к тому, что, дескать, без вас не справимся мы с проблемой и СЭС прикажет школу закрыть, поэтому выручайте, Светочка! Молодых училок было изрядное большинство. Три четверти. Верещали они нормально. Самой занятой из них была учительница русского языка и литературы, Ксения Николаевна.

– А раньше вы где-нибудь работали, Света? – любопытствовала она, когда наорались и успокоились. – Или только учились?

– Нет, я работала и училась, – звонко пискнула Света, внезапно освобождённая от руки Галины Сергеевны. Та, присев на угол стола, гордо улыбнулась – вот, мол, кого я вам привела!

– А где вы работали? – вкрадчиво спросила математичка Ольга Петровна, худенькая блондинка лет тридцати пяти.

– Я работала в театре.

Тут, конечно, поднялся шум как на стадионе после забитого гола. Света подумала, что едва ли стоит рассказывать, где училась, иначе ей устроят овацию. Физик Виктор Борисович поинтересовался у Светы её специальностью.

– Я историк, – сказала Света.

– Ваш конкурент, Галина Сергеевна! – повела бровями биологичка Дарья Рустемовна, почему-то бросая взгляд на длинные ноги новой сотрудницы. Моложавый Виктор Борисович, также на них взглянув, вдруг провозгласил:

– Сегодня на Патриарших произойдёт замечательная история!

Все заржали. А до конца перемены, тем временем, оставалась только минута. Жестом восстановив тишину, Галина Сергеевна подытожила:

– В общем, мы друг другу понравились. Теперь – к делу. Света! Сейчас, во время уроков, лучше тебе заняться спортзалом. Наша Наталья Владимировна пока ещё на больничном, так что тебе никто не будет мешать. Припрутся играть – гони.

– А где я возьму тряпку и ведро, Галина Сергеевна? – прозвучал от Светы вопрос с таким важным видом, будто речь шла о скрипке и смычке для сольного выступления в Большом зале консерватории.

– Это всё Надежда Ильинична тебе выдаст.

Тут зазвенел звонок, и учителя поспешили в классы. Судя по уровню тишины, которая воцарилась после звонка, дисциплина в школе весьма хромала. Там, где училась Света, с этим вопросом было поосторожнее. Завхоз Надежда Ильинична повела её вниз, на первый этаж. Там, около спортзала, была подсобка.

– Это тебе, – сказала завхоз, вручив Свете ключ. – Смотри, не теряй! И не отдавай никому.

– А что, могут попросить? – удивилась Света.

– Всё может быть. Во что ты переоденешься?

– Завтра что-нибудь принесу. А сегодня – так.

Надежда Ильинична удалилась, звеня другими ключами. В тесной подсобке хранились лопаты, грабли, вёдра, швабры и тряпки. Был там и кран с холодной водой. Наполнив ведро, Света потащила его в спортзал, прихватив и швабру с надетой на неё тряпкой. Когда она начала мыть пол возле шведской стенки, дверь кабинета открылась. Вышла Наташа в белых носочках, джинсах и свитере. По её лицу нетрудно было понять, что она минуту назад проснулась.

– Привет! – воскликнула Света, разводя тряпкой большую лужу на половицах. – Как у тебя дела?

– Ничего. Как ты?

Света рассказала ей о своём соседе Серёжке с его бульдогом, который был единственным очевидцем последнего животёрства. Риту в этой связи решила пока не упоминать.

– Очень интересно, – вымолвила Наташа, зевая. – Кстати, Немова и Крапивина, слава богу, отдали того щенка.

– Щенка? Какого щенка?

– Ну, в пятницу они всё пытались сплавить мне сеттерёнка, которому только месяц. Я его взять не могла по вполне понятной причине. Вчера они его вроде как пристроили.

– Я надеюсь, нормальному человеку отдали?

– Говорят, какой-то девчонке лет двадцати, рокерского вида. Она его при них целовала в носик.

– Ну, значит, всё хорошо. Молодцы они.

– Да уж, это точно. Пойду я, ещё посплю.

Сказав так, Наташа опять закрылась в своём временном жилище. Света работала очень быстро. Но до конца урока отмыть спортзал она не успела. После звонка на длинную перемену в него ввалилась толпа учащихся средних классов. Они вели себя весьма буйно. Света им пригрозила, что если не уберутся, она пожалуется директору, и спортзал закроют совсем. Они убралась. Но на смену им появились три дюжих молодца из одиннадцатого «Б». Одним из них был Варламов. Фамилии двух других были Куликов и Мамедов. Об этом Света узнала уже потом. Увидев её, работающую шваброй, они сперва озадачились, а затем похабно переглянулись.

– Я мою пол, – сказала им Света. – Пожалуйста, приходите после следующего урока.

– Так значит, ты – новая уборщица? – протянул Варламов, сунув в карман дорогой мобильник, который держал в руке. – Обалдеть! Зачем тебе это надо?

– Я ничего больше не умею, – призналась Света. – Пожалуйста, уходите!

– Да мы сейчас тебя научим всему!

И три дурака стали окружать Свету. Она от них ускользнула и попыталась выбежать из спортзала. Но Куликов догнал её без труда. Пока она билась в его руках, Мамедов с Варла-

мовым подтащили под баскетбольный щиток козла. А потом Мамедов, рост у которого был два метра, встал на него. Куликов с Варламовым передали ему визжащую Свету, и он её усадил на корзину с сеточкой. Затем прыгнул.

– Ну что, согласна учиться? – спросил Варламов, разглядывая подошвы ботинок Светы. – Или оставить тебя на этом кольце?

– Да пусть посидит, – предложил Мамедов. – Нам спешить некуда, на английский можно забить.

Очувившись на высоте более трёх метров, Света испуганно замолчала. Она боялась пошевелиться, чтобы не расшатать кольцо. Над ней хохотали. Но стало тихо, когда открылась дверь кабинета и вышла вновь разбуженная Наташа. Сперва она не могла понять, куда подевалась Света, и той пришлось подать голос. Подняв на неё глаза, Наташа пристынула и сказала, что если девушка так легко заменяет мяч, то три дурака вполне могут заменить боксёрскую грушу.

– Наталья Владимировна, так вы уже на работе? – спросил Варламов, оправившись от смущения. – Но не рано ли вам закрыли больничный? У вас, по-моему, бред!

– И буйное помешательство, – присовокупила Наташа. Чтобы не быть голословной, она стремительно подошла к Варламову и дала ему оплеуху. Хотела дать и вторую, но он схватил её за руку. И случилось невероятное. Круговым движением вырвавшись из захвата, Наташа крепко взяла спортс-

мена правой рукой за ремень, левой за запястье, и – виртуозно швырнула через бедро. Здоровенный парень грохнулся на пол так, что всё содрогнулось, включая Свету на высоте более трёх метров. Мамедов и Куликов буквально остолбенели. Но боксёр встал. От боли и унижения он уже не соображал, что делает. Уклонившись от кулака, летевшего ей в лицо, Наташа сама нанесла удар – не рукой, а пяткой, в прыжке. На сей раз Варламов не только грохнулся, но и выполнил кувырок назад на пятёрку. Это его, естественно, не обрадовало. Он снова поднялся, но лишь затем, чтобы сесть на маты, низко опустить голову и заплакать, трогая лоб ладонью.

– Вопросы есть? – пристально взглянула Наташа на Куликова с Мамедовым. Первый лишь качнул головой, второй прошептал:

– Вы кто?

– Вопрос слишком глупый, чтобы на него отвечать. Девушку снимите.

Через минуту Света опять была на полу. Варламов, Мамедов и Куликов быстро уходили. Друзья вели Варламова под руки. Точно так же Наташа увела Свету в свой кабинет. Напоила чаем. Чайник был электрический. Когда дрожь у Светы прошла, Наташа достала из письменного стола журнал «Космополитен». Бросив его на диван, сказала:

– Я знаю, что ты сейчас повторишь дурацкий вопрос Мамедова. Сорок третья страница.

Света взяла глянцевый журнал.

– Ого! Да он семилетней давности, девяносто шестого года!

– Открой, пожалуйста, сорок третью страницу.

Света открыла. И чуть не выронила журнал. Целая страница его была занята яркой фотографией босоногой девушки в кимоно, сидящей на кубе. Она предстала читателям культового журнала в позе султанши всей Оттоманской империи, полупрофилем, глядя в камеру без улыбки и как бы с недоумением. У воображалы были торчащие беспорядочными вихрами рыжие волосы и глаза зелёного цвета. Что до её кимоно, то оно, конечно же, представляло собой не халат для дома, а форму борца дзюдо – куртку и штаны.

– Наталья Лиховская! – потрясла кулаками Света, пристально поглядев на Наташу, затем – опять на её портрет. – Теперь-то я знаю, где я могла тебя видеть! Конечно, по телевизору! Слушай, а у неё на подошве левой ноги – малюсенький шрам! Покажи мне ногу. Вдруг это всё же не ты?

Наташа сняла носок и подняла ногу. Шрам был на месте. Света запрыгала от восторга. Надев носочек, спортсменка сказала ей:

– Прочитай статью.

Света прочитала. В статье шла речь о призёрах Олимпиады в Атланте тысяча девятьсот девяносто шестого года. Особенное внимание было уделено стремительно восходящей звезде отечественного дзюдо, Наталье Лиховской, которая выступала в лёгкой весовой категории.

– Бронзовая медаль! – опять подскочила Света, закрыв журнал. – Но всё же не золотая! И не серебряная.

– Наверное, это к лучшему. Будь я круче, Варламов после броска не поднялся бы.

– Но ведь ты потом дала ему по лбу пяткой! Разве это дзюдо?

– Это карате. Я ведь занималась и тем, и тем понемногу.

– Ох, ни хрена себе – понемногу! Прямо чуть-чуть! Третья дзюдоистка планеты!

Они ещё пили чай. Света изумлялась, какого чёрта Наташа преподаёт физкультуру в школе, вместо того чтобы быть всемирно известным тренером.

– Мне нельзя особо светиться, – дала ответ бывшая спортсменка. – И ты, пожалуйста, никому не рассказывай обо мне. Вообще никому.

– Клянусь, что не расскажу! Но что это значит – нельзя особо светиться? Ты что, потом начала работать на мафию и осталась кое-кому должна?

– Ты слишком сообразительна, – увильнула Наташа от душевного разговора. – Но лучше останови поток вдохновения, или мне придётся тебя окунуть головой в ведро и так подержать несколько минут.

– Ужасно смешно! Я пообещала, что никому ничего не скажу. Слушай, объясни, а как тебя приняли на работу в систему образования, если ты – уголовница?

– Светочка, у меня судимостей нет. И ори потише. Как

видишь, здесь не все знают даже о том, что я чемпионка. Об остальном не знает никто. Ну, или почти никто. Это не имеет значения.

– Шок, шок, шок! – ликовала Света. – Бронзовая призёрка Олимпиады в Атланте! Ритка, наверное, охренеет! Впрочем, я ей не буду рассказывать, обещала. Слушай, а ты не можешь мне показать десяток-другой приёмов? Мне это нужно!

Наташа долго отказывалась, ссылаясь на то, что её бо́льшая спина не выдержит Свету. Но потом всё-таки согласилась, так как у Светы был свой талант – доставать. Первое занятие состоялось немедленно, благо что пространства и матов в спортзале было достаточно. Дверь как следует заперли. Разложили четыре мата.

– Снимай ботинки, – распорядилась Наташа. Но Света стала капризничать, утверждая, что она по ошибке утром надела носки, которые цветом не гармонируют с джинсами.

– Так снимай и носки.

– А если я сниму джинсы вместо носков?

– Какая ты хитрая! Разглядела, как я брала Варламова за ремень? Либо разувайся, либо отстань! Ты мне надоела.

Света со вздохом сняла ботинки с носками. Первые десять минут ей дали понять, что путь к совершенству будет очень тернистым и травматичным – злая Наташка всё делала для того, чтоб её знакомая от неё отстала с единоборствами. Но не тут-то было! Менее чем за час Света изучила четыре вида подножек. Но изучила очень своеобразно.

– Может быть, хватит? – взмолилась бывшая чемпионка, в двухсотый раз её распластав. – Я что тебе, катапульта?

– Так дай мне бросить тебя! – предложила Света, вскочив. – Ты ведь не даёшь!

– Ещё чего не хватало! Я показала, как это делается! Бросай.

– Но ты не даёшься! Как я освою этот приём, если не могу его применить?

– Ищи себе тренера со здоровой спиной. А со мной, зараза, будешь летать, пока не полечу я против своей воли!

Это произошло в тот же самый миг, потому что Света сработала неожиданно и вложила в дело всю свою злость от двухсот полётов. Злости было так много, что чемпионка встала с трудом. Бледная от боли в спине, она заявила, что тренировка почти окончена. В следующую секунду Света опять полетела на пол.

Глава седьмая

Вечером Света, малость перекосившись на левый бок и чуть-чуть хромя, подошла к Эдику, потому что возле него торчали Жоффрей с Серёжкой. Солнце закатывалось над городом, и такая стояла уже теплынь, что ни грязь, ни лужи не раздражали. Эдик был слегка пьян. С каждым покупателем он болтал. Так как от метро во дворы шли толпы, болтать ему приходилось безостановочно. Кроме двух вышеупомянутых персонажей, его морально поддерживали, а материально душили двое его земляков – Надир и Заур, а также и местные подзаборники, имён коих Света не знала и не желала знать. От Серёжки тоже пахло водярой. В его руке был стаканчик. Жоффрей не пил, но закусывал. Он ел киви и ананасы, не обращая внимания на эмоции проходивших мимо людей. Они улыбались, глядя на лопоухого пса, который поглощал фрукты, как обезьяна. Многие его даже фотографировали. И было очень заметно, что за последние двое суток он перестал быть толстым.

– Серёжка, ты позвонил Ирине? – спросила Света, взяв своего соседа за воротник и грубо встряхнув. Серёжка молча кивнул. Он так посмотрел на Свету, точнее – мимо неё, что ей стало больно. Её рука опустилась сама собой.

– Что она сказала?

– Она сама позвонила мне, – уточнил Серёжка, как будто

эта поправка была важна.

– Что она сказала?

– Мастоцитомы.

– Переведи, пожалуйста. Я не врач.

– Это онкология. Очень злая.

Эти слова услышали все, кто был около прилавка. И все притихли, включая трёх покупателей, незнакомых вовсе с Жоффреем. Алкаш по имени Юрик, который разливал водку по пластиковым стаканчикам, отвернулся.

– Жоффрея не отдадим, – проговорил Эдик, кладя в пакет мандарины. – Он обязательно выздоровеет. Клянусь! Я никаких денег не пожалею.

– Когда ты к ней собираешься? – вновь пристала Света к Серёжке.

– Прямо сейчас, – сказал тот, выбросив стакан. – Мы с Катькой поедem, она уже где-то рядом.

– Дурак! Зачем ты напился?

– Я не напился, я выпил.

Света присела перед Жоффреем на корточки. Оторвавшись от киви, он с удивлением посмотрел на неё своими дурашливыми глазами и заморгал. Она стала его гладить. Он начал хрюкать. Обычный шум около прилавка возобновился. В эту минуту перед подъездом затормозил чёрный «Ситроен С-4». Из него вышла блондинка в сером пальто – рослая, как Света, но чуть потоньше и поизящнее. Оглядевшись, она направилась к Эдику. Света сразу её заметила. И

Жоффрей мгновенно её заметил. Он поджал уши, наклонил голову и затрясся. Его глаза стали ещё больше, ещё дурашливей. А когда блондинка окликнула его издали, с ним случилась истерика. Он отчаянно завизжал и бросился ей навстречу, таща за собой Серёжку.

Света стремительно шла к подъезду. Она ни разу не обернулась. Запах духов владелицы «Ситроена», которая вскользь задела её рукой на узкой дорожке и извинилась, вызвал у неё рвотный рефлекс. Рита была дома. Но она громко стонала. И очевидно было, что притворяется. Свете стало за неё стыдно. Плотнo прикрыв дверь комнаты, где всё было очень неэлегантно, она проследовала на кухню и закурила. Потом зажгла под чайником газ. Чёрный «Ситроен» уже отъезжал. Жоффрея с Серёжкой около Эдика не было. Значит, всё хорошо, подумала Света. Когда она пила кофе, Рита закончила. Проводив того, кто с ней был, она прошмыгнула в ванную. От бордюра отчалил средней цены «Мерседес» – не менее чёрный, чем «Ситроен», который увёз Жоффрея. Наползли сумерки. Пепел сыпался прямо на пол. Народу около Эдика прибавлялось. И двор был полон детей. Они развлекались совсем как несколько лет назад, когда ещё не было интернета.

Рита включила на кухне свет. На ней был халат. Усевшись за стол, она задала какой-то вопрос – наверное, как дела.

– Нормально, – вяло оторвалась от раздумий Света. – Кто это был?

– Первый секретарь районной управы.

Света закашлялась. Не вставая, она открыла окно и выбросила окурочек на улицу.

– Кто, кто, кто?

Рита повторила.

– Я в шоке! И сколько он тебе отбашлял?

– Вообще нисколько! Я ведь решала проблемы Эдика.

– Кого? Эдика?

– Ну конечно. Его хотят отсюда прогнать, и он попросил меня о содействии.

– Ты успела с ним познакомиться?

– Что здесь странного? Я общительная, он – тоже.

Ответив так, Рита налила себе кофе. А Света всё никак не могла опомниться.

– Вот ты сука! – пробормотала она. – Ведь так же нельзя!

– Почему нельзя? – удивилась Рита. – Он неплохой.

– Его теперь не прогонят?

– Нет. А если прогонят, я позову префекта, и он этого чиновника вместе с глупым его начальником снимет с должности.

Глаза Риты были какими-то очень странными. Света только сейчас заметила это.

– Ритка, что ты пила? – спросила она.

– Да ты уже задолбала мне задавать этот идиотский вопрос! – разозлилась Рита. – Необязательно пить, чтоб быть человеком! Можно и вмазаться.

– Ты серьёзно?

– А почему бы и нет? Этот бюрократ мне даже понравился. Он молоденький.

– Это бред!

– Что тебя смущает?

– Нельзя давать всем подряд по каждому поводу! Одно дело – за двести баксов, другое дело – за Эдика! Тут и Эдик смешивается с грязью, и всё на свете! Я не могу этого понять!

– Никто и не заставляет, – снова вспыхнула Рита. – Отстань!

В десятом часу, когда Света мылась, в дверь позвонили. Это был Эдик. Он вручил Рите пакет с различными фруктами и пятнадцать тысяч рублей. Рита приняла и то, и другое. Эдик ей сообщил, что Катя уже давно привезла Серёжку с Жоффреем. Рита об этом сказала Свете, когда та вышла из ванной. Они решили незамедлительно нанести визит в квартиру напротив.

Серёжка им открыл сразу. Жоффрей обнюхал их с радостью и поставил лапы на Свету. Рите он облизал лицо, когда она наклонилась, чтобы его погладить.

– Эх ты, дурак! – рассмеялась Рита. – Просто дурак! Серёжка, куда идти-то?

Квартира была двухкомнатная. Одну из комнат, большую, Жоффрей с Серёжкой до ноября сдавали студенткам. Когда те съехали, оба друга остались в маленькой, и Серёжка в ней принимал гостей. Вид она имела паршивый – выцветшие

обои, старая мебель, пыль, музыкальный центр бог знает каких годов. Жоффрею принадлежало большое низкое кресло между диваном и шкафом. Убрав с дивана постель, Серёжка предложил гостям присесть. Но Рита предпочла стул, уступив диван Серёжке и Свете. Жоффрей принёс из прихожей писклявый мячик в виде ежа и стал его всем совать – дескать, забирайте, не нужен! Но когда Света хотела ежа забрать, бульдог отбежал.

– Он хочет, чтобы за ним погонялись, – поняла Рита. – Нормальное поведение для онкологического больного! Что вам сказала врачиха? Возможна ли операция?

– Уже нет, – ответил Серёжка, ловко отняв ежа и бросив его в самый отдалённый угол прихожей, куда смертельно больной тут же ускакал. – Или ещё нет.

– Как это понять?

– Опухоль очень сильно выросла, идёт выше. Есть два пути: либо ампутировать лапу, либо уменьшить опухоль, чтобы её можно было вырезать.

– Очень сложный выбор! – вскричала Света. – Так её можно уменьшить? Злокачественную опухоль?

– Да. Ирина дала мне преднизолон. Таблетки такие. Сильные, гормональные. Они могут её уменьшить.

Жоффрей примчался с ежом опять. Он то разжимал его, то сжимал, чтобы ёж пищал.

– Но он не хромает, – сказала Рита. – Почти совсем не хромает.

– На улице он хромает, и ещё как! И видите – похудел. А опухоль – жуть! Если снять повязку, вы испугаетесь.

– Так давай ему этот преднизолон, – проворчала Света. – Не лапу же отрезать!

Поняв, что никто играть с ним не собирается, Жоффрей бросил свою пищалку и попытался влезть на диван. Серёжка его спихнул.

– Зачем ты так с ним? – возмутилась Рита. – Он ведь хотел к тебе! Ты его обидел, да притом грубо!

– Пусть лезет на своё кресло, – сказал Серёжка. – Зачем мне здесь его шерсть колючая?

Но ему уже было стыдно, и он погладил Жоффрея. Тот помотал головой и запрыгнул в кресло. Через минуту он захрапел.

– А Катька что говорит? – поинтересовалась Света.

– Да то же самое, что и ты. Ещё говорит, на Каширке есть онкоклиника для животных. Свозим его туда.

– Так ведь там, наверное, цены бешеные!

– Конечно.

Света и Рита переглянулись.

– Слушай, а почему ты комнату перестал сдавать? – спросила последняя. – Вряд ли пенсия у тебя уж очень большая по инвалидности!

– Я сдавал её раза три, но все квартиранты ведут себя одинаково: при знакомстве сюсюкаются с Жоффреем, а после въезда перестают с ним даже общаться. Его это обижало,

хоть он и не подавал виду.

– Но как без денег-то?

– Я откладывал. В крайнем случае сдам опять.

Бульдог во сне взвизгнул. Видимо, он услышал и понял.

– Жоффрей, наверное, Катку давно не видел, – глядя по сторонам, заметила Света. – Очень обрадовался!

– Пять лет он её не видел.

– Целых пять лет? И он её не забыл?

– Ты сама всё видела.

– Она что, далеко живёт? – небрежно спросила Рита.

– Да нет, на соседней улице. Просто у неё много дел – работа, муж, дети.

Рита и Света снова переглянулись.

– Она в кино иногда снимается, – продолжал Серёжка. –

По-моему, в сериалах.

– А «Ситроен» у неё давно? – зевая, спросила Света.

– Семь лет.

– Так вы его, значит, вместе купили?

– Конечно, нет! Откуда у меня деньги на дорогую машину? Ей «Ситроен» купили родители.

– А бульдога она нашла?

– Бульдога она нашла.

Тут Рита что-то шепнула на ухо Свете. Серёжка услышал часть её слов. Он сообразил, что она сумела вызвать на откровенность Эдика, его друга.

– Везёт ей на всё французское, твою мать, – усмехнулась

Рита. – Машину ей подарили, бульдога она нашла! А у неё муж не француз?

– Не знаю.

– Да как же так получилось-то, что её собака с тобой осталась? – не удержалась Света. Серёжка долго смотрел прямо на неё, как будто мог видеть. Потом негромко сказал:

– Ты знаешь, мне без собаки было бы трудно.

– Ну да, с собакой тебе, конечно, легко, – согласилась Рита. – Ты, вообще, чем-нибудь занимаешься, кроме как заботой о ней?

– А как же? Я постоянно слушаю книги.

Голос Серёжки звучал уже как-то вяло. Это нельзя было не заметить. Но две подруги пожаловали с визитом не для того, чтобы удовлетворить своё любопытство и пожелать Серёжке с бульдогом спокойной ночи.

– У нас есть план, – заявила Света, стукнув себя кулаком по голой коленке – она явилась очень легко одетая. – В смысле, замысел. Ты желаешь его узнать?

Серёжка кивнул.

– Желаю.

– Так вот, – продолжала Света, искоса поглядев на Риту, которая иронично цокнула языком, – я знаю, как изловить убийцу собак.

– Убийцу собак?

– Послушай меня внимательно. Несколько дней назад я в театре исполнила роль Ромео. Мальчика! Понимаешь?

– Нет.

– Какой ты тупой! Ну как можно этого не понять? Напряги ты голову! У меня маленькая грудь, спортивная задница и широкие плечи. Мой рост – сто семьдесят шесть. Ты чуть-чуть повыше, но разница несущественная. Всё понял?

Рита, достав мобильник, стала бесцельно нажимать кнопки. Ей было стыдно.

– Но мы с тобой не очень похожи, – сказал Серёжка. – Можно сказать, совсем не похожи.

– Откуда ты это знаешь?

– Я не похож на девушку.

– Ерунда! Ты с виду – пассивный гомик. Носы у нас одинакового размера и очень правильной формы. Не то, что у этой дуры – горбатый, страшный! Короче, я буду напяливать твою куртку, брать твою трость, Жоффрея, шапку надевать какую-нибудь, очки – и хрен кто отличит ночью! Как тебе план?

– Да я не ношу очки, – возразил Серёжка. – И никогда не носил.

– Вот это напрасно. Впрочем, плевать. Теперь ты носить их будешь. Точнее, я. Только по ночам. Этот живодёр тебя не боится, поскольку знает, что ты его не увидишь даже в упор. Но я-то его увижу, у меня глаз – алмаз! Лишь только Жоффрей залает как ненормальный, я посмотрю, на кого он лает – и все дела! Убийца пойдёт под суд!

Рита засмеялась.

– Что ты, тварь, ржёшь? – свирепо взглянула на неё Света. – Я тебе морду сейчас набью! Тут дело серьёзное, не до смеха!

– Прошу прощения, мадемуазель Бессон, – сконфузилась Рита, закрыв раскладной мобильник. – Мне анекдот скинули смешной.

– Что за анекдот?

– Нет, я не могу тебе его рассказать. Он – для взрослых. А план мне очень понравился. У чувихи, которая ни одной минуты зимой не носила шапку, даже когда гуляла по стройке, мог бы возникнуть план и поостроумнее, но я делаю скидку на МГУ. Этот университет, как мне доводилось слышать, в натянутых отношениях с остроумием.

– Превосходный план, – поспешил заметить Серёжка, чувствуя ветер от шевеления ноздрей Светы. – Но есть проблема. Жоффрей по улице ходит с большим трудом. С ним уже особо не погуляешь. Его приходится, в основном, таскать на руках.

– Это не проблема, мой друг, – отмахнулась Света. – Сколько весит Жоффрей?

– Килограмм пятнадцать.

– Пятнадцать? А эта тварь, сидящая перед нами, весит пятьдесят пять! Я её однажды тащила от Сухаревской до Пушкинской.

– Мы, вообще-то, ехали на такси, – уточнила Рита, внезапно сделав лицо серьёзным. – Но если ты размотаешь этот

клубок, то я соглашусь признать за тобой какие угодно подвиги. Мне ужасно хочется выяснить, почему я вдруг не смогла уйти от того, кого я не видела.

Света молча воззрилась на озадаченного Серёжку. Уставилась на него и Рита. Он понял, что они ждут от него решения.

– Это всё какая-то ерунда, – был его ответ. – Впрочем, как хотите. Мне шлаться с ним по ночам мало удовольствия. Давай так. Я сегодня с ним ночью погуляю сам. Если он залает, мы эту твою идею реализуем. Договорились?

– А почему бы мне с ним сегодня не погулять? – удивилась Света.

– У тебя есть тёмные очки?

– Нет. У Ритки на прежней квартире были, да я на них наступила. Но можно ведь одну ночь без них обойтись!

– Овца! – восторжествовала Рита, вскакивая со стула. – Если убийца хоть один раз заметит подмену, то его бдительность возрастет, и план твой накроется! Теперь видишь, что ты за дура?

– Вижу, – с ноткой печали признала Света и также встала. – Попробую поумнеть. А эта скотина попробует объяснить мне, куда исчез мой тональный крем из флакона, который был запечатан!

Обмениваясь любезностями, подруги переместились в свою квартиру. Когда Серёжка захлопнул за ними дверь, Жоффрей повёл ухом, но не проснулся. Вернувшись в ком-

нату, сотрясаемую раскатами храпа, Серёжка долго мерил её шагами. Потом он взял свой мобильник и набрал номер.

– Алло, – ответила Катя. – Как хорошо, что ты позвонил! Я только сейчас смотрела в инете про эту клинику.

– Ну, и что?

– Короче, приём там стоит две с половиной тысячи. Давай завтра туда поедем.

– Давай. Во сколько?

– Я, как проснусь, позвоню. И мне ещё маму надо будет дожидаться, чтобы она осталась с детьми.

– Хорошо, до завтра.

– Пока.

Отложив мобильник, Серёжка прошёл на кухню и там бесшумно стал ужинать. Но Жоффрей, конечно, проснувшись, чтобы получить пачку творога и кусок колбасы. Проглотив всё это, он выпросил печенюшку, вернулся в кресло и вновь завёл мотоцикл. До двух Серёжка проспал часа полтора, а всё остальное время он слушал книгу. Когда Жоффрей спрыгнул с кресла и подошёл к своему приятелю, тот вскочил, оделся, кое-как натянул на большую лапу пса башмачок и вывел его на улицу.

У подъезда Жоффрей пометил забор. Серёжка собрался взять его на руки, чтоб идти за кирпичный дом, но бульдог не дался. Он неожиданно озверел. Он так весь напрягся, что показался Серёжке каменным. От его истошного лая гулкая тишина двора рвалась на кусочки, как необъятный воздушный

шар, и опять смыкалась, и опять лопалась. Покрываясь ледяным потом, Серёжка схватил Жоффрея, который не унимался, бросился с ним к подъезду и набрал код. Ему это удалось только потому, что пальцы каким-то чудом сработали машинально. Протиснувшись между дверью и косяком, Серёжка всей силой левой руки дёрнул на себя тяжёлую дверь, которая закрывалась медленно. Лишь тогда Жоффрей замолчал. Серёжке пришлось малость отдышаться, чтоб затащить его на второй этаж. Весь остаток ночи они не спали.

Глава восьмая

Щенок был очень смышлёным. Он понимал, что мало умеет и мало знает, а значит – должен радоваться тому, что его так любят, и всеми силами проявлять ответные чувства. Он понимал, что надо бежать и не отставать, иначе опять случится несчастье. Ночь скоро кончится и настанет утро! Ему ли было это не знать? Неделю назад он провёл на улице двое суток и чуть не умер. Наученный горьким опытом, он теперь уж был начеку и осознавал, что нет у него ни одной секунды, чтобы остановиться и сделать лужу. Можно ли заставлять ждать ту, которая его любит? Она идёт торопливо и не оглядывается. Ей очень нужно успеть по срочному делу. Но он, конечно же, не отстанет! Он ни за что не отстанет. И как же быть, если почему-то его не могут взять на руки и снести по крутым ступенькам подвала вниз? Конечно, обратиться с духом и потихоньку начать спускаться самостоятельно – очень медленно, осторожно, чтобы не оступиться и не свалиться. Он понимал, что если настала полная темнота, то надо утроить бдительность и поскуливать, чтоб случайно не потеряться. Он понимал, что если его поставили на какое-то возвышение – значит, это необходимо. Но он не понял, зачем ему стали отрезать уши и ломать лапы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.